

БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Шер Я. А.

История ИИМК глазами бывшего иимковца

(Носов Е. Н. (ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.)

Вышла очень интересная своим содержанием и важная в этическом аспекте, весьма объемная книга. Не сомневаюсь, что ее прочтут все, кто непосредственно или опосредованно (Эрмитаж, Кунсткамера, институт археологии в Москве, институт востоковедения, исторический и восточный факультеты ЛГУ/СПбГУ и др.) связан или был связан с ИИМК. От поколения РАИМК уже не осталось никого. Тех, кто работал в ЛОИА АН СССР, осталось не так уж много. Тем же, кто пришел уже в автономный ИИМК и, особенно, кому 30 и меньше, уверен, будет интересно знать не только то, что происходило в нашей науке до них, но и кем по своим человеческим качествам были их научные «отцы» и «деды».

В аннотации сказано: «Авторы постарались осветить не только основные направления научно-исследовательской деятельности и полевых археологических работ Академии и Института, но и передать непростую, временами трагическую судьбу многих выдающихся ученых и рядовых сотрудников». Этой фразой нам обещан объективный анализ истории не только научного учреждения, но и служивших в нем людей, переживших экономическую и гуманитарную катастрофу — революционные события 1917 г. Кстати, какие — февраль? октябрь? или то и другое? (с. 9–10)¹ — а также периоды разных по тяжести репрессий 20-х, 30-х, 50-х и даже 60-х гг.

Действительно, наука страдала вместе со всем народом, и последствия этой катастрофы в разных формах проявляются едва ли не до сих пор, особенно в самые последние годы в связи с переподчинением РАН некоей ФАНО, удивительно неопределенной, но всевластной бюрократической структуре, наполненной людьми, от науки даже более далекими, чем когда-то Лысенко и Презент. И если последние в 40–50-х гг. нанесли ущерб важной части российской науки, то нынешние лысенко и презенты подмяли под себя всю науку и дают абсурдные указания ученым, что и как им делать

Разумеется, перед авторами стояла сложная дилемма: выполнять обещание рассказа о «трагической судьбе» или пойти по проторенному пути сглаживания острых углов. Первый путь требует поиска объективных свидетельств, а где их взять? Как уже было сказано, большая часть свидетелей ушла в мир иной. Если что-то и сохранилось, то в протоколах разных заседаний: дирекции, партбюро и партсобраний, заседаний секторов (отделов тогда не было),

¹ Здесь и далее указываются только страницы книги.

Ученого совета, профсоюза и в личных записях. Но ведь это — гигантская, кропотливая и нудная работа. Кто за нее возьмется добровольно? И сохранились ли сами протоколы и записи?

Могу сообщить «по секрету», что уже работая в Кемерово, я получил от одного из своих бывших студентов объемистый протокол профсоюзного комитета, разорванный на четыре части и предназначенный на выброс. В нем шла речь о незаконном увольнении А. Д. Грача и вспоминалось предшествующее такое же увольнение меня. А как быть с разговорами, которые не протоколировались? Эти сомнения отразились во «Введении». Вряд ли их удастся преодолеть в обозримом будущем, поскольку «нужны годы кропотливого труда многих исследователей» (с. 11).

Второй путь проверен и проще для выполнения. Авторы можно понять. Понимая это, прошу мои замечания в этой рецензии воспринять не столько как критику, сколько как скромное дополнение к книге. Я не вижу злого умысла в том, что нечто либо забыто, либо пропущено, либо неловко о чем-то вспоминать.

Признаюсь сразу, что моя рецензия ограничена. Я могу реагировать на те места в книге, в которых речь идет о событиях либо с моим непосредственным или косвенным участием, либо о тех, которым я был прямым свидетелем и за их пересказ ручаюсь. Думаю, что кое-кто из еще живых коллег мог бы то же сказать и о других главах книги.

Глава 1. О руководителях

М. И. Артамонов. Я не мог знать Михаила Илларионовича как директора ИИМК, но хорошо его узнал как заведующего кафедрой археологии ЛГУ. Он был у меня официальным оппонентом на кандидатской защите (1963) и через год пригласил меня читать спецкурсы на кафедре. «Сначала бесплатно, — сказал М. И., — а там посмотрим». Но «там посмотрим» через год стало полноценным совместительством на 20 лет, вплоть до отъезда в Кемерово. На многих заседаниях кафедры я был обязан присутствовать и мог наблюдать стиль руководства Артамонова. К сожалению, после его внезапной кончины в 1972 г. объемы спецкурсов (не только моих) стали неуклонно сокращаться. В отличие от Артамонова, его преемник против этого не возражал.

Об Артамонове я слышал много хорошего и от своего учителя М. П. Грязнова, от С. С. Черникова, А. М. Беленицкого, М. А. Тихановой и других старших коллег. В Эрмитаже, где я проработал 10 лет, вообще был культ Артамонова-директора. Особенно много мне о нем рассказывал Павел Филиппович Губчевский, один из самых уважаемых сотрудников Эрмитажа. Хорошо помню заседание совета истфака, посвященное 70-летию Артамонова, в 70-й аудитории истфака ЛГУ. Было много приветственных выступлений, а во время яркой речи А. Н. Изоргиной из аудитории демонстративно вышел Б. Б. Пиотровский, новый директор Эрмитажа.

Между тем были и отрицательные мнения. Например, М. К. Каргер не мог простить Артамонову перевод головной части ИИМК в Москву. Хотя, мне кажется, что для Каргера это был больше самопиар. Артамонов, конечно, не хотел этого перевода, но сопротивляться не мог.

Одно событие, которое касалось не столько ИИМК, сколько личности Артамонова, можно было бы и отразить в очерке о нем. Спустя много лет, когда

М. Шемякину дали визу в Москву и на один день (!) в С.-Петербург, в директорском коридоре Эрмитажа он случайно столкнулся с Пиотровским. Борис Борисович протянул руку и сказал что-то дежурно-вежливое. В ответ Шемякин совершенно по-хамски громко заявил: «Борис Борисович, ведь это я устроил вам кресло директора...» Он намекал на печально известную выставку (1964) работ студентов Академии художеств, которые по традиции работали в Эрмитаже такелажниками.

С разрешения Артамонова, который и сам увлекался живописью, студенты устроили внутреннюю (для сотрудников) выставку своих работ. Среди них был юный Шемякин со своим непривычным для соцреализма стилем в иллюстрациях к сказкам Гофмана. Я с трудом нашел в интернете краткое упоминание об этой выставке.² Там допущена ошибка. Выставка просуществовала не один день, а около недели. До тех пор пока на нее не стали проникать посетители музея и еще положили книгу отзывов. По городу пополз слух о «нелегальной» выставке. Раздался звонок из Смольного: «Что у вас там за выставка?» Артамонов ответил, что разрешил внутреннюю выставку работ студентов-такелажников. «А вам кто разрешил?» — «А мне не нужно ничье разрешение». Через несколько дней звонок повторился, его вызывали на заседание секретариата обкома КПСС. Но в этот день мы хоронили Александра Александровича Иессена, старого друга Артамонова еще по гражданской войне. Артамонов пытался объяснить, что по причине похорон он просит перенести его вопрос на другой день или провести заседание без него.

— Вы понимаете, чем это чревато?

— Да, понимаю.

В его отсутствие было принято решение снять Артамонова с должности. Через несколько дней министр культуры Е. А. Фурцева подписала приказ, а еще через пару недель директором Эрмитажа был назначен Б. Б. Пиотровский. Борису Борисовичу первое время было не просто в роли директора, несмотря на то что все его знали. В Эрмитаже он работал много лет, с конца 20-х и до 50-х гг.

А. П. Окладников фигурирует в книге дважды: как заведующий ЛО ИИМК (с. 36) и как руководитель сектора палеолита (с. 61). Как и Артамонов, А. П. был личностью. Но, в отличие от Артамонова, это была личность порывистая и противоречивая. В первом тексте автор отметила его дар археолога-поисковика и талант организатора. Второй текст, увы, больше похож на отчет о научной деятельности для советского отдела кадров: «работал... руководил... выступал... создал...» и т. п. Я уже писал об А. П. (Шер 2009: 61–71). Вряд ли стоит повторяться.

В этом человеке, как кровей в каждом сибиряке, было намешано много чего разного. По натуре он был романтиком, но в условиях советской системы романтика позволялась только дозированная и контролируемая властью. А. П. был искренне предан своей науке, но это не мешало его честолюбию и естественному для многих стремлению занять в ней одно из ведущих мест.

В 1949 г. доктор наук и лауреат Сталинской премии (за Тешик-Таш) А. П. Окладников, которому едва исполнилось 40 лет, назначается заведующим ЛО ИИМК. А. П. никогда не был марристом, как это отмечено в первом тексте.

² <http://ria.ru/spravka/20130504/935238104.html>.

Подозреваю, что и в «новом учении о языке» он не разбирался. Он был учеником Б. Э. Петри и П. П. Ефименко. К юбилею (30 лет РАИМК-ГАИМК-ИИМК) Окладников-администратор выпускает хвалебную брошюру «Н. Я. Марр и советская археология», в которой отдает должное Марру — первому президенту ГАИМК. Думаю, что это был чисто формальный реверанс. Но уже в 1950 г. В «Правде» публикуются «гениальные труды» вождя, и от Марра и его «нового учения о языке» не остается ничего. Ну и, как водится, пошли проработки. Всех, кто имел хоть какое-то отношение к Марру, отстраняли от руководящих должностей, кого-то увольняли, кто-то отделялся выговором, но в этот раз, слава богу, не сажали, как в 1948-м некоторых генетиков.

А. П. «попал под раздачу» вместе с М. И. Артамоновым, П. И. Борисовским, А. Н. Бернштамом, Б. Б. Пиотровским, С. П. Толстовым, П. Н. Третьяковым и др. — первыми аспирантами ГАИМК, которых принимал лично Марр. Все потом каялись и исправляли свои «ошибки» (Против вульгаризации... 1953).

Порывистый характер часто мешал А. П. в его научной работе. Он всегда торопился. Когда он не носился по институтским коридорам, он писал. А. П. писал всегда и везде: в президиуме какой-нибудь конференции, едучи в поезде или сидя в самолете. Не говоря уже о тех редких моментах, когда он мог уединиться и под тихие звуки классической музыки писать в ленинградской квартире или в коттедже на Золотодолинской улице в Академгородке.

Конечно, это был выдающийся ученый широкого профиля. К нему тянулась молодежь. У него были ученики от Ленинграда и Москвы до Благовещенска и Улан-Батора. Он их привечал, создавал им благоприятные условия, помогал остепениться. В. Д. Кубарева, техника-метеоролога, вытащил с метеостанции на Горном Алтае, заставил его заочно закончить вуз, и со временем Кубарев стал известным археологом и блестящим раскопщиком. При защите кандидатской диссертации ему была присуждена докторская степень. А. П. Деревянко Окладников нашел в Благовещенском пединституте и пригласил к себе в аспирантуру. Теперь акад. Деревянко — всемирно известный ученый.

Однако учителем и организатором науки А. П. был неважным, особенно с точки зрения советской научной бюрократии. Он этого не любил и в любой момент был рад сменить кабинет директора на палатку. Раскопки он вел торопливо и не всегда методично. Известна его полемика с А. Я. Брюсовым. В высоком профессионализме и огромной эрудиции Брюсова не было никаких сомнений, но А. П. был уверен, что, как глава полевого комитета, Брюсов придирается к его полевым отчетам. К этому примешивалась извечная конкуренция между Москвой и Ленинградом.

Иногда с учениками у А. П. возникали сложные отношения. Думаю, что они сами создавали предпосылки к этому. Сначала приучали своего учителя к словословию и беспрекословному повиновению, потом выросли и появлялась потребность в самостоятельности. А учитель к этому не был приучен. Отсюда трения, «искрение» и так далее.

При том что в 1951 г. А. П. сам невинно пострадал от предвзятого преследования, в 1959–1960 гг. он проявил странную несправедливость по отношению к своему ученику и сотруднику М. В. Воробьеву, специалисту по археологии Японии, фронтовику, награжденному боевыми орденами, который помогал ему переводами японской литературы. По причинам, которые многим были

непонятны, а мне и сейчас неясны, А. П. возвел на него целый ряд необоснованных обвинений и добился его увольнения из ЛОИА. Воробьев очень тяжело переживал, долго мыкался без работы, будучи уже кандидатом наук. Наконец, он был принят в ЛО ИВ АН, где и работал вполне успешно все оставшиеся годы жизни.

Выходец из восточносибирской сельской интеллигенции (его отец П. С. Окладников был в 1920 г. расстрелян семеновскими казаками), А. П. Окладников был лоялен к советской власти, но без «излишеств». Другие его коллеги, запуганные террором, иногда допускали при этом перебор. П. П. Ефименко учел критику руководства и последнее издание своей книги «Первобытное общество» (1953) наполнил цитатами из «классиков марксизма». П. И. Борисковский на одной конференции после выступления по существу вопроса, по привычке, дернув плечиком, мог совсем не по теме заявить: «А еще, товарищи, я осуждаю выступление Евтушенко в парижском еженедельнике “Экспресс”. При всей своей лояльности к власти, А. П. мог иногда себе позволить поступать так, как он считал нужным, не слишком заботясь о том, что подумают об этом «наверху».

Показательным тестом для многих коллег было «неофициальное», а точнее — просто подпольное выступление в Дубовом зале ЛОИА Булата Окуджавы, которого тогда в Ленинграде откровенно травили власти посредством городской комсомольской прессы («Смена» и др.). Этот эпизод заслуживает отдельного рассказа. Он показал, что, несмотря на хрущевскую «оттепель», люди, особенно старшего поколения, еще опасались «засветиться» на таком мероприятии, но Окладников пришел с супругой и дочерью.

К 50-летию Окладникова В. Е. Ларичев опубликовал панегирическую брошюру о его научных достижениях. Тогда еще были живы петербургские представления о скромности, чести и достоинстве. Большинство коллег сочло это проявлением дурного тона и довольно безобидно иронизировало. А. П. не скрывал обиды.

Шло строительство Академгородка под Новосибирском, и он начал готовиться к его «взятию». На конференции по гуманитарному направлению, которую акад. М. А. Лаврентьев и руководство СО АН СССР рассматривали, как неформальный конкурс между претендентами (Л. П. Потапов и А. П. Окладников), предпочтение было отдано Окладникову. Думаю, что со стороны А. П. это был правильный шаг. В ИИМК ему не хватало размаха и масштабов. К тому же он, несмотря на диабет, прекрасно себя чувствовал в Гобийских песках и в Прибайкальской тайге.

Первые годы было трудно. Сначала он заведовал гуманитарными отделами Института экономики и организации промышленного производства, и только в 1966 г., после избрания в АН СССР, А. П. смог по-настоящему развернуться, когда стал директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Тем не менее, сразу по переезде в Академгородок он взялся за тяжелый труд — пятитомную «Историю Сибири». Он мотался в Москву и Ленинград, «выбивая» из коллег те разделы, которые они согласились написать, а потом жаловался, что ему нужна история, а они пишут археологию, и сам редактировал эти тексты. Но работа была сделана и увенчана второй для Окладникова Государственной премией.

Первые два или три года его жена Вера Дмитриевна и дочь Елена оставались в Ленинграде. В начале 1964 г. я был в Академгородке, и однажды А. П. пригласил меня в гости. Хотя жил он в двухэтажном коттедже, который они делили с филологом В. А. Аврориным, меня поразила спартанская обстановка в той части, которую занимал А. П. Наверху в «кабинете» вдоль одной стены, прямо на полу, разместилась длинная череда грампластинок с записями классики, под приглушенный звук которой он обычно работал, и простой канцелярский письменный стол с инвентарным номером Института. Вдоль другой стены таким же образом стояли и лежали книги. Здесь же стояла раскладушка со спальным мешком.

Дело, начатое Окладниковым, успешно продолжил главный его ученик — А. П. Деревянко. Институт был разделен на три самостоятельных, а возглавляемый им ИАЭА СОРАН и новый академический журнал по археологии теперь достигли мировых стандартов.

Как бы там ни было, когда-то обиженный на ИИМК Окладников был питомцем ГАИМК и вырос в крупного ученого в стенах ИИМК. Таким образом, созданный Окладниковым и Деревянко сибирский институт со своими филиалами в Барнауле, Иркутске, Кемерово и Омске можно по праву считать сибирским наследием ИИМК.

Б. Б. Пиотровский. О Борисе Борисовиче все написано верно, но так, как будто для отдела кадров советского разлива, и опять же с откровенным сглаживанием острых углов. Например, никто не знает и не узнает, за что его арестовали в марте 1935 г., а в апреле отпустили. Те, кто не знал Б. Б. лично, не увидят в этой книге живого человека. Я о нем тоже уже писал и не хотел бы повторяться.

Б. Б. был очень живым человеком и в науке, и в жизни. Дворянское семейное воспитание и Оренбургская гимназия заложили в любознательного мальчика добрый характер и интерес к истории. Он мечтал стать сторожем Оренбургского музея и, как потом говорил, стал на много лет «сторожем главного музея страны». Еще студентом факультета языка и материальной культуры он поступил на работу в Разряд языка и Древнего Мира ГАИМК, которым руководил Н. Я. Марр, но его нельзя считать учеником Марра. Юный Борис Пиотровский мечтал заниматься египтологией, выучил иероглифы. Он хорошо рисовал и помогал Н. Д. Флиттнер. Но Марр ему объяснил, что заниматься египтологией несвоевременно, в Египет попасть не удастся, и посоветовал ему изучать древнее Закавказье. С этого времени Б. Б. стал считать своими учителями Н. Д. Флиттнер, А. А. Миллера и В. В. Струве.

Проведенные им впоследствии филигранные раскопки Кармир-Блура были результатом школы Миллера. Уровень Пиотровского-ученого практически с самого начала стал, безусловно, очень высоким. Как научный организатор и администратор он сформировался позднее и, как верно сказано в книге, был приверженцем демократического стиля (с. 39).

При этом, в отличие от многих представителей тогдашней советской науки, особенно гуманитариев, он обладал блестящим чувством юмора, и высшей пробой этого таланта была его самоирония, показатель очень умного и высокоинтеллектуального человека.

Он рано, в 38 лет, получил Сталинскую премию (за Кармир-Блур), но она ему не вскружила голову. В годы его заведования ЛОИА научные заседания

сектора Средней Азии и Кавказа проходили в его кабинете, который он делил с ученым секретарем. Мы сидели на мягких диванах или в глубоких креслах, иногда дремали, а те, кто имел непосредственное отношение к повестке дня, располагались вокруг большого центрального стола, покрытого зеленым сукном. Во время заседания можно было курить. Обычно, никого не спросив, начинала С. И. Капошина. За ней — другие, помоложе. К концу заседания табачный дым стелился слоями. Многие его сверстники, Борисковский, Окладников, Капошина, Бернштам, Бибииков и др., обращались к нему на «ты», и он это воспринимал как должное. Почти ко всем он был одинаково доброжелателен, но, например, в распределении средств на экспедиции принимал решения сам и стоял на своем. В других делах иногда уступал, как Окладникову с увольнением Воробьева, хотя, конечно, этого делать не стоило.

При Б. Б. в ЛОИА вскладчину устраивались семейные вечера, на которых собирались с женами и мужьями. Иногда это были веселые капустники с участием некоторых студентов кафедры и Академии художеств. У входа на 2-й этаж висел большой дружеский шарж: Б. Б. в форме милиционера с указующим направлением жезлом в руке. Он и сам иногда рисовал шаржи и читал юмористические стихи.

Важным событием в его научной биографии была Нубийская экспедиция. Наконец, сбылась его мечта о Древнем Египте. Проектируемое водохранилище должно было затопить известный комплекс Абу-Симбел. Был объявлен конкурс на проект его переноса на другое место. Б. Б. включили в состав Комитета экспертов ЮНЕСКО по выбору достойного проекта, и в ЛОИА стали приходить бандероли с конкурсными проектами. Иногда по ошибке они попадали в московскую часть института. Обычно это было два объемистых тома: текст и чертежи.

Б. Б. провел в Нубии три полевых сезона (1960–1962). Советской экспедиции достался не самый богатый памятниками сегмент. Тем не менее, были собраны интересные эпиграфические и изобразительные материалы, особенно тексты эпохи Древнего Царства и следы древнеегипетских путей в Нубию в эпоху XVIII–XX династий.

Перейдя в Эрмитаж из ЛОИА, Б. Б. хорошо понимал несоизмеримость объема обязанностей, забот и подводных камней. Первое время в нем была заметна некоторая растерянность, которую он скрывал юмором. Приходя в ЛОИА, он громко объявлял: «Меняю кресло директора Эрмитажа на стул сотрудника ЛОИА». В это время в Эрмитаже проходила первая выставка Пикассо. Хвост очереди на нее иногда замыкался кольцом вокруг Зимнего дворца. Пиотровский искренне беспокоился и иногда повторял уже без юмора: «Как и кто сможет все это интерпретировать?» Была еще одна, внешне не очень заметная неприятность. Эрмитаж готовился к юбилею. Как у нас давно повелось, партийные инстанции заранее распределили награды. Орден Ленина Артамонову, Трудовое Красное Знамя В. Ф. Левинсону-Лессингу. После скандального снятия Артамонова и добровольного ухода Левинсона-Лессинга эти ордена достались соответственно Б. Б. Пиотровскому и В. А. Суслову, только что пришедшему в Эрмитаж первым замом директора.

Точно не помню, но в последние годы правления в Ленинграде Г. В. Романова (1982–83) над Б. Б. сгустились тучи. Была какая-то проверка хранения

коллекций, обнаружили какие-то недочеты. Назначили (помню точно) на 15 декабря секретариат обкома КПСС с отчетом Пиотровского. Он хорошо помнил, как снимали Артамонова, и неоднократно говорил, что ни один из его предшественников не оставлял свой пост добровольно. Он заранее заготовил письмо министру П. Н. Демичеву, датированное на день раньше 15 декабря, с просьбой об отставке. Но в один из этих дней его навестил секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин, который возвращался в Москву. Узнав о письме министру, он попросил Б. Б. не спешить. В один из ближайших дней Пиотровскому позвонил Романов и заверил его, что ему ничего не угрожает, что за недостатки в хранении должен отвечать тот, кто обязан по должности.

— Вот у меня, — говорил Романов, — как-то пропал старый мраморный письменный прибор. Ведь не я должен за это отвечать.

Статус разбирательства перевели на уровень райкома КПСС. Там нашли «стрелочников»: понизили в должности Ю. Л. Дюкова, зам. директора по хранению, кто-то еще получил выговоры. Однако эта история все же имела свое «эхо». Первые 20 лет своего директорства Б. Б. устраивал высокое начальство и проблем не возникало. Что-то произошло в конце 70-х. В 1978 г. он должен был одновременно со своими ровесниками и коллегами Окладниковым и Рыбаковым получить звание Героя соц. труда, но эта награда отодвинулась на пять лет. В последние годы он стал членом президиума АН СССР (кстати, как директор Эрмитажа он зарплату не получал, тогда это не полагалось). Однажды он сказал мне, что положение члена президиума АН СССР он оценивает выше всех своих должностей, поскольку это дает ему возможность не реже раза в неделю общаться с очень умными людьми.

Иногда он рассказывал, что в школьные годы любил петь в хоре, но музыкального слуха не было, и учительница говорила: а ты, Боря, рот раскрывай, но не пой. После награждения вторым орденом Ленина как-то сказал: вы теперь обращайтесь ко мне «дважды ордена Ленина Борис Борисович». Женатый на обаятельной Рипсимэ Микаэловне Джанполадян, отец двоих русско-армянских сыновей, Б. Б. говорил: «Я — зять армянского народа».

Он входил в комиссию, которая принимала у нас в 1958 г. В Москве вступительный экзамен в аспирантуру по специальности. Московская часть Института археологии находилась в переулке Садовских, напротив ТЮЗа. В комиссии были корифеи: А. Я. Брюсов, Н. Н. Воронин, два Смирновых (А. П. и К. Ф.), Д. Б. Шелов, Б. Б. Пиотровский, кто-то еще. Нам дали вопросы, час на подготовку и отправили в соседнюю комнату готовиться. Секретарем комиссии был Н. Я. Мерперт. После экзамена он нам рассказал, что сначала все сидели молча. Потом Б. Б. нарушил тишину словами: «Например, на этот вопрос я бы и на двойку не ответил» и все оживились и стали признаваться, и оказалось, что каждый из членов комиссии, даже Брюсов, на какой-нибудь один из данных нам вопросов ответить бы не мог.

Много лет Б. Б. поддерживал традицию: 1 сентября каждого года он приходил в школу, расположенную неподалеку от Эрмитажа, и проводил в 5-м классе урок истории.

После переезда в Кемерово я первые годы возил студентов на музейную практику в Москву, Ленинград и Новгород. Из отпущенных четырех недель мы большую часть времени проводили в Эрмитаже и Русском музее. Сибирские студенты, особенно те, кто впервые попал в Ленинград, всеми шестью

чувствами впитывали шедевры мировой культуры. Однажды я набрался наглости и, не надеясь на успех, спросил Б. Б., не мог бы он посвятить часок беседе с моими студентами. Б. Б. запросто достал записную книжку, посмотрел и сказал со свойственным ему легким заиканием: «Н-ну, в-в-о-хт, давайте в четверг в два часа, но утром на всякий случай позвоните, мало ли что бывает».

Студентам пока ничего не говорю, только предупреждаю, что в 13:30 всем собраться в директорском коридоре. Часов в 12 звоню в приемную и спрашиваю: не отменилось ли наше мероприятие. Отвечает секретарь: Я. А., я не знаю, сейчас у него Гидаспов,³ позвоните попозже. Ничего не отменилось, в два часа мы вошли в кабинет директора.

Широко раскрытыми глазами студенты оглядывали кабинет. Потолок высотой около 18 м, gobелены и книги. Везде большие и поменьше стопки книг. Расселись за большим столом для заседаний. Б. Б. был в хорошем расположении духа. Впрочем он всегда держался бодро, несмотря уже на многочисленные возрастные болячки: и высокое давление, и ноги, и т. п. Я решил спровоцировать директора на шутку.

— Борис Борисович, что вам пообещал Гидаспов?

Он уловил юмор и ответил:

— До обещаний не дошло. Я ему сказал: «Извините, у меня в два часа запланирована встреча со студентами из Сибири», и он ушел.

Студенты переглянулись, но юмора не поняли. Они уже не ведали, что еще недавно даже подумать было невозможно — разговаривать таким тоном с первым секретарем обкома КПСС и чтобы он сам приехал в Эрмитаж, а не вызвал директора к себе. Полным ходом шла перестройка. Правда, Б. Б. ее воспринимал по-своему, и она ему сильно подорвала здоровье.

Час с небольшим Б. Б. без какой-либо шпаргалки рассказывал о директорах Эрмитажа от С. А. Гедеонова и Д. И. Толстого до И. А. Орбели, с которым много лет был дружен.

Прошло почти 30 лет, те мои бывшие студенты уже совершенно взрослые люди (всем под 50), при встречах неизменно мне говорят, что встреча с Пиотровским — самое яркое воспоминание их студенческой юности.

Прощаясь со мной, Б. Б. со вздохом сказал: «24 года каторжных работ». Больше я его не видел.

М. К. Каргер. Вполне достоверный текст о Михаиле Константиновиче и как о руководителе ЛОИА, славяно-русского сектора, и как об исследователе, тоже тяготеет к характеристике отдела кадров. Автор текста работала в составе руководимой им группы. Я думаю, что если бы этот текст писал, например, А. Н. Кирпичников, который знал его лучше всех нас, Каргер предстал бы в нем более объемно, со всеми своими достоинствами и недостатками.

Его поведение, по-моему, было на всю жизнь определено террором 1930-х гг. Его брат, этнограф Нестор Константинович Каргер, ученик В. Г. Богораза, который занимался изучением шаманства у народов Сибири, создал кетскую письменность, грамматику и букварь, а также хантыйскую грамматику, был арестован НКВД в 1935 г. как принадлежащий, по официальной формулировке, к «бывш. людям» и приговорен к высылке. Жил в Ямало-

³ Б. В. Гидаспов — последний первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Ненецком округе. Согласно наиболее достоверной версии, добился отправки на фронт и погиб на Курской дуге. Реабилитирован в 1991-м, через много лет после смерти брата. Из главы 6 я узнал, что не только его брат, но и сам М. К. Каргер почти два года был под подозрением во «вредительстве», и только арест доносчика избавил его от репрессий. Это — дополнительное подтверждение высказанной выше мысли о том, что память о репрессивных 30-х гг. наложила отпечаток и влияла на его не очень приятный характер.

Каргер тоже был на войне, у него были военные награды. Есть фото, где он в шинели с майорскими петлицами. Говорили, что он сначала был политруком хозроты, а уж потом комиссаром штаба. Назвать его боевым офицером трудно. После войны он остался со своим испугом 30-х, который в нем сидел так глубоко, что он не любил подписывать даже текущие документы. Прежде чем подписать, он смотрел на тебя и говорил:

— Вот подпишу, а потом отвечаю за вас.

Он поздно защитил докторскую, хотя уже вышли два тома «Древнего Киева». Дважды он переписывал «Введение» к своей диссертации так, чтобы в нем было невозможно заподозрить что-либо, не соответствующее постановлению очередного пленума ЦК КПСС. Вместе с тем работа была очень высокого уровня. Киевские археологи получили нахлобучку за то, что такой труд вышел не в Киеве, а в Ленинграде. Двухтомник даже попал в шорт-лист Ленинской премии, но говорили, что Рыбаков, будучи членом Комитета по Ленинским премиям, его отодвинул.

Считается, что Каргер был скуп. Но это была скупость одинокого человека. Он действительно был страстным коллекционером. Я был у него дома, когда он незадолго до кончины, уже после инсульта, переехал в новую квартиру. Его огромная библиотека занимала отдельную комнату, а стеллажи с книгами стояли не только по всем стенам, но и посредине комнаты. До этого он жил в крошечной служебной квартире в Академии художеств. В личной жизни ему не везло. Первая женитьба на дочери генерала была непродолжительной. Потом, уже пожилым, он обзавелся подругой, с которой постоянно ссорился. Главной отрицательной чертой его характера была не столько скупость, сколько склочность. Он любил «разбираться» в конфликтах и даже иногда сталкивал между собой коллег, а потом с удовольствием копался в этих разборках.

При этом М. К. был талантливым исследователем. Он сочетал в себе качества, очень важные для любого ученого-археолога: феноменальную интуицию полевого и раскопщика, которая сочеталась с не менее совершенной аналитикой при раскопках и в интерпретации памятников. И еще он был блестящим лектором. На его лекции в Академии художеств приходили студенты с других факультетов. Даже свои доклады о полевом сезоне он произносил так, что было очень интересно слушать.

В последние годы жизни он, занимаясь технологией древнего строительства, собирал образцы плитки и связующих растворов с отпечатками клейм средневековых мастеров. Студенты любили разыгрывать своих руководителей. Например, Пиотровскому однажды на Кармир-Блуре забили в раскоп обломок ржавой автомобильной рессоры и пытались выдать его за урартский меч. Мне на Енисее процарапывали изображение на песчаниковой плитке и уверяли, что нашли ее в окуневской могиле. Такие розыгрыши мгновенно и с юмором

разоблачались. Б. Б. говорил: «А не нашли ли вы здесь гудок от автомобиля?» Я, смыв грязь, якобы древнюю, «глубокомысленно» говорил: «Вы сделали большое открытие: в энеолите уже были стальные инструменты».

У Каргера на раскопках Изяслава однажды один из студентов Академии художеств наступил на свежий кусок известкового раствора ногой в китайском кеде, тогда популярной среди нас обуви. На растворе остался отпечаток части узора на подошве. Когда «образец» высох, его испачкали землей, подкинули в раскоп и принесли Каргеру как только что найденный. М. К. посмотрел на «образец», потом на студентов, неопределенно хмыкнул, но находку не выбросил, а студентов прогнал на раскоп. Они заговорщически переглядывались: мол, все же разыграли профессора.

Через несколько дней была экскурсия. Ездили на грузовике. Когда выпрыгивали из кузова, тот студент наступил на влажную от недавнего дождя землю. Остался отпечаток. Каргер его подозвал. «Ну-ка, сними свой кед». Поднял его повыше, всем показал. «Так чье это клеймо на растворе?»

Иногда он любил блеснуть своим даром рассказчика. На каких-нибудь посиделках по поводу защиты очередной диссертации, после двух-трех рюмок, его просили рассказать сказку. Он повязывал на себя цветной платок и, блестяще подражая голосу и выговору старушки-сказительницы из Псковской или Архангельской губернии, от ее имени рассказывал, как они ездили в «большой город, а в большом городе ходили в КИЯТРЫ (театр)» и т. д. Все покатывались со смеху и были в полном восторге.

Однажды группа сотрудников ЛОИА поехала в Новгород. Нас было человек 20, с нами был Каргер. Мы ходили по Кремлю и центру, потом — по старым улицам и к Юрьеву монастырю. Каргер был в ударе, о Кремле и Ярославовом Дворище он рассказывал так ярко, образно и зримо, будто бы сам был там в древности. Минут через 30 после начала экскурсии я заметил, что нас уже не 20, а примерно вдвое или втрое больше. За полчаса разнесся слух о приезде Каргера, и свободные от работы новгородские экскурсоводы стали присоединяться к нам. Поездка была незабываемой. Заметив мой интерес, М. К. на другой день подарил мне свой путеводитель по Новгороду с трогательной надписью.

Ходили слухи о длительной неприязни между Каргером и Рыбаковым. Якобы на почве полевых успехов первого и неудач второго. Однако Рыбаков мог подниматься над своими симпатиями и антипатиями. Когда Пиотровский перешел в Эрмитаж, Рыбаков без колебаний назначил заведующим ЛОИА Каргера.

Однажды я оказался по делам в кабинете у Б. Б., который вернулся из поездки в Москву. При этом был Каргер. Б. Б. кивнул на объемистый пакет, аккуратно завернутый в оберточную бумагу — очередной проект переноса Абу-Симбела, присланный по ошибке в Москву, и сказал:

— Борис Александрович долго смотрел, как я не справляюсь с упаковкой этого проекта. Потом отодвинул меня от стола, взял лист оберточной бумаги, раз-раз, и получился аккуратный пакет. «Борис Борисович, — сказал Рыбаков, — археолог должен уметь упаковывать вещи».

Каргер ехидно хмыкнул:

— Я всегда подозревал, что он из Охотного Ряда.

Все знали об отношениях Рыбакова и Каргера, но сказать так при мне, молodom сотруднике... Мне было неловко, хотя в душе я ему аплодировал.

В начале 60-х по инициативе легендарной Маро Агаронян в ЛОИА состоялось неофициальное, а вернее, подпольное выступление Булата Окуджавы, который тогда жил в Ленинграде. Маро ко мне благоволила и иногда пускала меня в свою лабораторию печатать фотографии для полевого отчета. Однажды она мне говорит:

— Слушай, тут один поэт бэдный, все его травят...

Я догадался:

— Окуджава?

— Да, надо его поддэржать, давайте устроим в нэрабочее врэмья его виступлэние.

— Да, но как это устроить?

— Ты человек партийный, вот и придумай.

Ничего себе, задача...

Устроить такое без ведома начальства было немислимо. Окуджаву тогда травили сами власти через комсомольскую прессу. Эрмитажница Э. Коробова и другие его друзья стремились устроить ему встречу с доброжелательной аудиторией, чтобы вытащить из депрессивного состояния. Вместе с Маро, которая, как некоторые ленинградские армяне, была близко знакома с семьей Пиотровского, они пытались выяснить, возможно ли это. Б. Б. сказал, что официально он не может разрешить, но закроет глаза, если кто-то рискнет организовать под свою ответственность. Оставались Каргер, тогда секретарь партбюро, и местком. Сергей Бутомо, председатель месткома, был согласен. Я был членом партбюро. Спрашиваю Каргера, мол, народ хочет пригласить в нерабочее время Окуджаву. Вообще Каргер иногда любил показаться либералом. Ругал в своих докладах чиновников, которые разрушали памятники. Очень здорово декламировал стихи другого тогда опального поэта — Евтушенко.

— А отдуваться в райкоме за ваш народ буду я?

— Мы вам не скажем. А вы в этот день будете в Академии художеств (Каргер там заведовал кафедрой).

— А кто это «мы»?

— Бутомо и я.

— Ну, смотрите, но я ничего не знаю.

Это была победа. Не буду утверждать, но мне кажется, что он все же общил, куда надо. Когда мы с Сергеем вышли на крыльцо встречать Окуджаву, одна из проезжавших мимо машин притормозила, из нее высунулся человек с фотоаппаратом и нас (или фасад дворца?) сфотографировал.

Дубовый зал был полон, стульев всем не хватило, стояли вдоль стены и сзади. В основном, была молодежь, несколько эрмитажников. Из старшего поколения я не очень уверенно помню, кроме А. П. Окладникова и Маро Агаронян, еще П. И. Борисовского и П. А. Раппопорта с женами и детьми. Видимо, далеко не все поверили в «оттепель» и пришли.

Окуджава был хмур и немногословен. Мы его сначала провели в пустовавший кабинет Б. Б. Он оглядел стоявшие на карнизах вдоль стен расписные анауские сосуды, спросил, откуда и сколько им лет. Спросил разрешения закурить. Немного расслабился, сказал, что нужна гитара. Валентин Ульянов принес гитару из лаборатории. Вместо перевязи привязали кусок шпагата. Булат немного рассказал о себе, о том, что в Ленинграде его не знают. Грустную

«Песенку о веселом барабанщике» напечатали в журнале «Пионер» (1961, № 2). А на одном выступлении ему прислали записку «Спойте что-нибудь ваше, одесское». А он тогда еще ни разу не был в Одессе. О том, что его вызывали в ЦК и упрекали в упадничестве (он был членом КПСС. — *Я. Ш.*). Войдя в Дубовый зал, он тихим голосом сразу попросил не аплодировать. Спел «Сапоги...», «Ах война...», «А как первая любовь...», «Шарик летит...» и др. Пел минут 40–45. Поблагодарил, поклонился и ушел. Его сопровождали две или три женщины, среди них была его первая жена Галина Смольянинова. Каргер выполнил свое обещание «ничего не знаю». Ни на следующий день, ни потом меня не спрашивал.

После инсульта он так и не поправился полностью. Умер почти в одиночестве. Даже панихида была не в ЛОИА, а у академической больницы. Народу было немного. Массон сказал красивую речь: что-то о трепетной ткани жизни, которая легко рвется. Я, тогда уже давно выброшенный из ЛОИА и еще «не отмытый», стоял в стороне и ушел до того, как все закончилось.

В. П. Шилов. По понятным причинам, мне трудно быть объективным в отношении к Валентину Павловичу, даже по прошествии десятилетий, но я стараюсь. Читатель, который не знал Шилова лично, не сможет сформировать в своем сознании образ этого человека ни по тексту о нем как о руководителе ЛОИА, ни по тексту о его работе в секторе Средней Азии и Кавказа. Данные об окончании ЛГУ различаются: 1941 (с. 43) и 1942 (Тихонов 2003: 299; Каменецкий 2011: 141). Его учителями были М. И. Артамонов и Т. Н. Книпович. Шилов-археолог упоминается всего в трех местах трехстрочными фразами, как начальник тех или иных экспедиций (с. 137, 142) и как руководитель, который не смог погасить конфликт между двумя своими близкими друзьями: А. Д. Грачом и А. М. Мандельштамом (с. 141). Какой вклад внес Шилов-ученый (кандидат наук) в археологию, из обоих текстов не ясно (с. 43). Автор этих текстов работает в ЛОИА-ИИМК и в секторе Средней Азии и Кавказа с 1972 г. и, конечно, не мог не знать о том, как Шилов стал заведующим ЛОИА и какая турбулентность сопровождала его «оргмероприятия».

Шилов был участником и инвалидом Отечественной войны, ходил на протезе, имел боевые награды. Я мог непосредственно наблюдать его с 1958 по 1972 гг. По общему мнению всех коллег, он был человеком неуравновешенным. Иногда начинал разговаривать вслух с самим собой, тихо, но так, что это бормотание было слышно окружающим. Бывало, что на этой почве случались конфузы. Обсуждая какие-то доклады на заседании сектора, не гнушался язвительных замечаний. Подобная язвительность прорывалась и в адрес окружающих. В. М. Массона за глаза он называл выскочкой, Ю. А. Заднепровского — стукачом. С. В. Киселев якобы незаконно получил квартиру в доме на Котельнической набережной и т. п. Его ближайшим другом одно время был А. Д. Грач. Они дружили семьями. Жены — Ирина Засецкая и Нонна Грач были сокурсницами. Но и эта теснейшая дружба стала открытой враждой вскоре после назначения Шилова заведующим ЛОИА.

Археологом Шилов был средненьким. Менял направления исследований от скифо-сарматской тематики к степной бронзе. Курганы Прикубанья выбирал большие, надеясь на золото. Копал их второпях скреперами и бульдозерами, нарушая все правила методики (Каменецкий 2011: 142). Единственное, с моей

точки зрения, его достижение — гипотеза о раннем генезисе кочевого скотоводства в степи, осталась незавершенной.

Однажды Шилов принес в радиоуглеродную лабораторию заведомо современный образец. В заявке было сказано, что это предположительно II тыс. до н. э. Не ожидая подлога, сотрудники были удивлены результатом, еще раз все перепроверили и растерянно сообщили результат Валентину Павловичу. Сначала он сконфуженно улыбнулся, но тут же исправился и заявил, что это была проверка. Он действительно не верил в метод ^{14}C и надеялся уличить нас в жульничестве. С. И. Руденко был возмущен. Метод дорогой, и никто не давал право Шилову проверять то, что 12 лет проверялось, прежде чем присудить Нобелевскую премию.

В 1969 или в 1970 г. (точно не помню) Шилов был избран секретарем партбюро. К чести нашей парторганизации нужно сказать, что никому из нас не хотелось избираться секретарем. Это отнимало время от науки, а откровенных карьеристов среди нас вроде бы не было. Поэтому установилась негласная договоренность, что эту повинность должны выполнять все по очереди. Но и в этом качестве Шилов не смог выдержать ровную линию, а к концу срока на всех обиделся и на отчетно-выборное собрание не явился. Ему грозило исключение из КПСС или, в лучшем случае, учитывая ветеранство, строгий выговор в учетную карточку. Мне пришлось его спасать — взять грех на душу и объяснить в райкоме, что у него якобы сломался протез. Вскоре я об этом очень пожалел.

Осенью 1971 г. серьезно заболел Каргер, и Рыбаков назначил Шилова заведующим ЛОИА. Чем руководствовался директор, трудно сказать. Думаю, надеялся на закручивание гаек в ЛОИА или прямо сам это предписал. Рыбаков тогда был озабочен обстановкой в Институте археологии Украины. Там директора долго не удерживались. Когда Рыбаков направил туда новым директором И. И. Артеменко, один из ленинградцев позвонил коллеге в Киев и спросил, как новый директор. Ответ был многообещающий: «Пожурем — увидим».

Первой жертвой шиловского террора стал я. Все было обставлено по законам жанра. Сначала Шилов обзавелся союзниками. Для А. Я. Щетенко была специально создана лаборатория, в которую собрали лаборантов из всех секторов. Для дела это было вредно, но Щетенко получил высокую зарплату. И. Г. Шургая стал заведовать античным сектором с той же целью. Оба были готовы по партийной линии во всем поддерживать Шилова. Еще кое-кого он привлек таким образом на свою сторону. Правда, Шургая потом долго мучился тем, что нарушил грузинские представления о чести и достоинстве. С ним случился инсульт и он умер совсем молодым.

Затем по ЛОИА, ЛО ИВ и Эрмитажу поползли слухи. Я — сионист и скоро собираюсь эмигрировать в Израиль. Тогда это приравнивалось к измене Родине. Мы с Грачом разбазарили имущество Саяно-Тувинской экспедиции. К тому времени я уже почти пять лет заведовал лабораторией археологической технологии и по итогам 1971 г. был отмечен солидной премией за успешное руководство. Но по слухам это была липа, а на самом деле я лабораторию развалил.

Рыбаков назначил комиссию по проверке моей работы, а Шилов для подкрепления написал на нас с Грачом донос в прокуратуру с требованием возбудить уголовное дело. У прокуратуры было два законных месяца на ответ, а тем временем началась обработка членов Ученого совета: Шер — сионист

и уголовник, нужно от него избавиться, чтобы не позорить институт. Независимым членам Совета (Артамонову, Семенову) Шилов звонил и говорил, что будет внутренний вопрос и можно не приходить. Комиссия под руководством П. Н. Третьякова честно признала себя некомпетентной для оценки нашей научной работы, но, вместе с тем, меня — не соответствующим занимаемой должности, и рекомендовала не переизбирать меня на новый срок. Накануне заседания Совета меня вызвал Шилов, показал заключение комиссии и предложил написать донос на Грача. Тогда он меня не уволит, а только понизит в должности. Я отказался. Совет меня забаллотировал 12:8. Законных для досрочного переизбрания двух третей от списочного состава не набиралось, но этим можно было пренебречь.

Через несколько дней на партийном собрании Н. Д. Праслов поднял вопрос о моей дальнейшей судьбе. Шилов ответил, что мною занимается прокуратура и от ее решения будет зависеть моя судьба. Но через пару дней вышел приказ о моем увольнении. Потом пришел ответ из районной прокуратуры: «Отказать за отсутствием события преступления». Шилов тут же это обжаловал в гор. прокуратуру и получил еще два месяца. Гор. прокуратура подтвердила «отсутствие состава преступления», но я стал безработным, почти тунеядцем.

Бороться было бесполезно. Формально такие дела тогда судами не рассматривались. Моя должность относилась к «списку № 1», по которому трудовые споры рассматривались по подчиненности. Рыбаков на мое письмо не ответил. К тому же в 1971–1972 гг. Ленинградский обком КПСС организовал кампанию чистки академических институтов от «инвалидов 5-го пункта». Особенно пострадали Институт полупроводников имени Иоффе, который вообще был закрыт, и Институт теоретической астрономии. Правда, на мое совместительство в ЛГУ никто не посягал, но Артамонов к тому времени скончался, а А. Д. Столяр побоялся брать меня на кафедру. П. И. Борисовский помог мне с временной, на два месяца, работой в фотолaborатории Музея этнографии народов СССР. Потом, когда у меня истекал допустимый тогда по закону месячный срок безработицы, я устроился преподавать фотографию в Доме юного техника.

Проверенный на мне способ избавляться от мнимых врагов был потом применен к недавно еще «лучшему другу» — А. Д. Грачу. Сраженный наповал коварством бывшего друга, Грач тяжело и долго болел. Некоторое время был без работы. Даже возвращение в МАЭ не смогло его полностью вывести из депрессии, и в 1981 г. он умер в возрасте 54 лет.

Позднее, работая в Эрмитаже и имея статус члена Международного совета музеев при ЮНЕСКО, я познакомился с директором Русского музея Л. И. Новожиловой, которая в описываемые годы была секретарем Дзержинского райкома КПСС. Она рассказала, как ей пришлось разбираться с жалобами на Шилова от сотрудников ЛОИА и что она была удивлена отсутствием жалоб от меня и Грача. Она пригласила в Ленинград Рыбакова и предложила ему сместить Шилова с руководства ЛОИА. Рыбаков сначала возражал, но понял, что это бесполезно, и перевел его в Москву с повышением на должность зам. директора Института археологии АН СССР.

Через 23 года я получил в Кемерово выписку из протокола Ученого совета ИИМК, где говорилось о том, что я был уволен неправильно. Эту бумагу инициировал Санкт-Петербургский научный центр РАН, поскольку восстанавливали

честные имена всех, вычищенных в 1971–1972 г. Массон долго сопротивлялся этому, ссылаясь на то, что это уже не тот институт, что был в 1972 г., но его заставили. Все же он вставил в этот текст некие гнусные слова о борьбе за власть. Какая могла быть борьба? Теленок даже не бодался с дубом. За спиной Шилова маячила грандиозная фигура Рыбакова, который тогда был царь и бог: глава Отделения исторических наук АН СССР и директор сразу двух институтов: археологии и всеобщей истории. Я «утешался» тем, что С. И. Руденко был реабилитирован через 27 лет, а М. П. Грязнов — через 26 лет.

В. М. Массон. Очерк о Вадиме Михайловиче принадлежит его ученику и было бы странно, если бы он был написан в иных, не панегирических тонах (с. 46–47, 141). Я не могу обсуждать деятельность Массона как директора автономного ИИМК, поскольку она протекала уже после моего изгнания из ЛОИА. Поэтому речь пойдет о Массоне как сотруднике сектора и как о заведующем сектором (отделов тогда еще не было). При этом я считаю огромным достижением Массона то, что он смог добиться преобразования ЛОИА в самостоятельный ИИМК. После того как Москва «отщипнула» от ИИМК в 1943 г. роль головного института, это была первая грандиозная победа. Однако автор очерка прав, когда пишет, что «считать это целиком заслугой В. М. Массона неверно» (с. 47). Как говорят, «так встали звезды». Сменилось руководство ИА: директором стал акад. В. П. Алексеев, по-доброму относившийся к ленинградцам. Ленинградский научный центр АН СССР обратился к Президиуму АН с предложением преобразовать отделения московских институтов в самостоятельные учреждения. Этими обстоятельствами Массон удачно воспользовался.

С Массоном мы работали в одном секторе 14 лет. Действительно, Массон был выдающимся ученым, удачно сочетая в себе азарт энергичного полевика и масштаб теоретика. Правда, в теоретических вопросах он был не очень силен, балансируя между марксизмом и «новой археологией», но в любом случае вполне заслужил те хвалебные слова, которые о нем написаны в рецензируемой книге. Редко кто из нас мог бы честно сказать, что создал новое направление. Массон создал. Древнеземледельческие культуры от энеолита до поздней бронзы стали визитной карточкой сектора Средней Азии и Кавказа. Правда, не будем забывать и вклад И. Н. Хлопина в эту же тематику.

И все же в целом по этому очерку для читателя, который его лично не знал, Массон выглядит плоско, как жизнерадостный персонаж советского плаката застойных лет. Все люди многогранны, и Массон не исключение. Пройдет 15–20 лет и уже не останется тех, кто помнит поколение Массона живыми.

Думаю, что было бы интересно напомнить, в каких условиях происходило начало формирования Массона как ученого. Вадим был археологическим вундеркиндом. Он вырос в семье одного из основоположников археологии Средней Азии Михаила Евгеньевича Массона, создателя и многолетнего руководителя первой в Средней Азии университетской кафедры археологии в Ташкенте. Мама — Ксения Ивановна — рано ушла из жизни. Мачеха — Галина Анатольевна Пугаченкова — известный историк древнего искусства и архитектуры, была всего на 14 лет старше пасынка. И она, и отец были академиками АН Узбекистана. Короче говоря, Вадим рос на раскопках древностей, среди людей, изучавших древности, и книг о древностях. Его дальнейший путь был предопределен. Вадим рано поступил и окончил университет по кафедре отца,

затем прямой путь в аспирантуру, сначала в Туркмении, но вскоре в ЛОИА. Его первые публикации появились еще в юном возрасте.

Михаил Евгеньевич был не только заботливым отцом, но и строгим учителем. Я с ним не был знаком, но много слышал о нем от его учеников — Петра Никитича Кожемяко, моего первого полевого наставника, и Бориса Анатольевича Литвинского. Массон-старший, как и В. А. Городцов, имел ученую степень «доктор археологии», а выпускникам его кафедры первое время в дипломе писали «ученый археолог».

О старшем Массоне ходили легенды. Рассказывали, как он, приехав на раскопки вечером и увидев, что сотрудники экспедиции располагаются в местном музее, который помещался в глинобитном доме, выгнал всех спать на свежем воздухе. Ночью случилось катастрофическое землетрясение 1948 г. От дома осталась груда самана.

В ЛОИА способности Вадима Массона нашли поддержку у Б. Б. Пиотровского. Это не всем нравилось, особенно Шилову. Но Массон успешно «набирал обороты» и в 34 года (для археологии — явление более чем редкое) защитил в 1963 г. докторскую диссертацию. Он много писал и еще больше печатал. Список публикаций рос как на дрожжах. Этим он напоминал мне Окладникова и его учеников. У меня хранятся два оттиска его статей с добрыми пожеланиями. Иногда он расслаблялся и позволял себе откровенные замечания. Вручая мне один из этих оттисков, он сказал: «Теперь печатают все, что бы я ни написал, даже повторы другими словами напечатанного ранее».

В 1962 г. мы отмечали 60-летие М. П. Грязнова. По этому случаю была сделана юмористическая стенгазета. В конце поместили список публикаций Михаила Петровича. Их было, кажется, не более 50. Подошел Вадим, посмотрел и заявил: «А у меня уже более 100».

К нему стал присматриваться Рыбаков. Вадим ему нравился. Он всем нравился своей активностью, научной начитанностью и динамизмом. Мне он тоже нравился, но иногда я чувствовал по отношению к себе явную неприязнь, причину которой я понял не сразу.

Для дальнейшей карьеры Массону нужно было стать членом КПСС. Так в СССР было негласно принято. Каждый руководитель любого уровня должен был состоять в КПСС. Но самому проситься в партию не следовало, нужно было ждать, когда позовут. Но ни Каргер, ни Шилов Массона в партию не звали.

Как сказано выше, мне Вадим чем-то напоминал Окладникова. Он тоже ходил быстрым шагом, на вопросы отвечал на ходу, в секторе особенно не заживался. У него была особая манера жестикуляции. Выступая на научных заседаниях, он обеими полусогнутыми руками как бы что-то подгрел к себе. В интернете есть фото, где этот жест удачно зафиксирован. Вадим любил животных: собак и кошек. Говорят, что животных любят добрые люди. Возможно, Массон был добрым человеком, но, естественно, не ко всем. Со своими студентами и аспирантами он старался быть демократичным, многое им позволял. 60–70-е гг. были временем борьбы с диссидентами и теми, кому было отказано в эмиграции. Массон, конечно, не был ни диссидентом, ни потенциальным эмигрантом, но иногда позволял себе отдельные фразы либерального толка. В его экспедиции, как, впрочем, и в других, у костра пели песни Высоцкого, Галича и других полузапретных бардов.

В 1970 г. по всей стране шла юбилейная кампания в честь 100-летия В. И. Ленина. В Ленинграде везде где можно вешали или обновляли мемориальные доски. Люди над этим рвением тихо посмеивались. На раскопках у Массона какой-то юморист из студентов нацарапал на остатках глинобитной стены древнего жилища надпись: «В этом доме с 2500 года до н. э. и до сих пор ни разу не останавливался В. И. Ленин». За буквальную точность текста не ручаюсь, но смысл был именно такой. Кто-то «стукнул» куда надо. Вадима пригласили в КГБ. Тогда это называлось «профилактическая беседа». Он пообещал исправить положение. Потом официальное письмо об этой беседе зачитали на партийном собрании ЛОИА.

Вернемся к Рыбакову, который проявлял все большую заинтересованность в Массоне. Ему нравилось, что Массон брался за разные сложные поручения и успешно их выполнял. Как-то Рыбаков должен был выступить в Актовом зале МГУ перед весьма высокой аудиторией, но в последний момент не смог и попросил Массона его заменить. Массон примчался в Москву и выступил, я думаю, даже лучше Рыбакова.

То ли в эти же дни, то ли немного раньше или позже (точно не помню) Рыбаков приехал в Ленинград, пришел в ЛОИА. Каргер был где-то в отъезде, я (тогда секретарь партбюро) был в отпуске, но дома. Мне позвонил В. С. Сорокин (ученый секретарь ЛОИА) и велел хватать такси и срочно приехать. Рыбаков требует. Через 20 минут я уже был в кабинете, который делили Каргер с Сорокиным. Сорокин вышел, мы сидим виз-а-ви за столом с зеленым сукном. Рыбаков смотрит на меня и говорит

— У вас на рукаве запонка расстегнулась.

Я извинился, мол, собирался второпях, поправил запонку, жду, что дальше. Сначала разговор «вообще», потом о нашем секторе, а потом:

— А почему Массон до сих пор беспартийный?

Я ответил, как полагалось партийному функционеру, что если он к нам обратится, мы его поддержим. Но он не обращался.

— Может быть, райком против?

— Не знаю, но не думаю.

— У меня к вам просьба: наведите справки и сообщите мне.

— Хорошо, постараюсь в ближайшие дни.

Еще две-три незначащие фразы и Рыбаков встал, давая понять, что аудиенция закончена. Я имел неосторожность (или наглость?) подарить Рыбакову оттиск своей статьи, вышедшей в Париже в сборнике симпозиума по математическим методам в археологии, куда нас (В. Б. Ковалевскую, И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и меня) приглашали, но не выпустили. Он взял, сказал «спасибо», потом посмотрел на меня каким-то странным взглядом и сказал:

— Ну, ладно, теперь пойду к славянам.

На этом я откланялся. На другой день Раппопорт подошел ко мне и с удивлением отдал мне этот оттиск, «забытый» Рыбаковым в славянском секторе.

Через пару дней меня приняла 2-й или 3-й секретарь райкома, точно не помню, кажется, Пахомова. Она смотрела на меня с некоторым недоверием, чувствовалось, что ищет скрытый смысл в моем вопросе. Я уточнил, что это мне поручил выяснить директор института академик Рыбаков. Она сказала, что свяжется с товарищем Рыбаковым, а мне пояснила, что существует приоритет

в приеме рабочих, а наш район — сплошная интеллигенция, и что я ведь знаю о профилактической беседе и т. п., и что со временем к этому вопросу можно будет вернуться. Я позвонил в приемную Рыбакова, его не было. Попросил Марию Сафроновну передать Б. А., что я его поручение выполнил и что райком с ним свяжется. Вздохнул облегченно: избавился от не очень приятного дела.

Но оказалось, что Рыбаков, не ожидая ответов, подписал приказ о переводе Массона в Москву на должность зав. сектором неолита и бронзы. И тут директора «догнала» бумага из КГБ. Говорят, что прочитав письмо, мрачный Рыбаков сказал: «Я подозревал, что он немного дурак, но то, что он ТАКОЙ дурак...» Тут же приказ был отменен и Массон был завернут обратно.

Спустя несколько лет Массон вступил в КПСС. Это было уже не при мне и подробностей я не знаю. Но по этому поводу один блестящий молодой востоковед, ныне академик РАН, сочинил шутивное стихотворение.

Наверно, это просто сон:
Вступает в партию Массон.
Неужто в партии масоны
Опять желанные персоны?

Жидо-масонская пора
Все не уходит со двора.
Но всех жидов унес муссон
И остается лишь Массон.

Главы, о секторах/отделах ГАИМК-ЛОИА-ИИМК

Писать о главах книги, посвященных конкретным людям, бывшим и нынешним руководителям ГАИМК-ЛОИА-ИИМК, было относительно нетрудно. Я писал только о тех, кого знал достаточно хорошо, и старался рассказать о том, чего не было в книге. Переходя к отделам, я как бы запнулся. Было ясно, что отозваться на все, что написано о работе отделов, я не смогу по определению, и поэтому не буду пытаться вникнуть во все, а остановлюсь только на том, что мне представляется очевидным.

Прежде всего, отмечу один практически общий недостаток: почти все главы написаны не специально для этого издания. При работе над ними авторы пользовались либо своими же опубликованными отчетами за определенные периоды как основой, либо просто переиздавали эти тексты почти без изменений (Записки ИИМК № 3–7). Конечно, автоплагиат — не криминал, но еще не так давно считалось неэтичным печатать одни и те же тексты дважды в разных изданиях. Но это — формальная этика, а суть-то в том, что такие книги, в отличие от отчетов, пишутся не каждый год. И поэтому, как мне кажется, отделяться для такого редкого издания канцелярским текстом не очень уместно. Впрочем, возможно, я ошибаюсь.

Если вообще РАН сохранится и ИИМК не задавят, то за такую книгу теперь возьмутся не раньше, чем лет через 15–20. Так что можно было постараться не переиздавать свои отчеты, а написать о науке и о людях, создающих эту науку. О науке — не только о том, куда ездили и что находили, а больше о проблемах, о сути дискуссий, об успехах и неудачах. О людях — не только как об академиках

и профессорах, но и как о живых когда-то людях с их индивидуальными чертами характера. Это было бы тем более желательно, что в начале книги обещано писать не только о научных исследованиях и не только о руководителях, но и о тех, кто нес основную рабочую нагрузку. Они вообще как-то «утонули» в отчетах о раскопках, находках и публикациях, которыми очень насыщены все главы.

Помню, как В. М. Массон любил повторять формулу Прайса: «Научные открытия делает 5 % ученых, но их бы не было вообще, если бы не активный критический фон 95 % остальных». Себя он, конечно, относил к 5 %.

Правда, есть исключения. Специально для данной книги написаны главы об отделе охранной археологии, частично о лаборатории археологической технологии, о спектральном анализе, научном архиве и о библиотеке. Впрочем, и среди глав-отчетов есть одно приятное исключение — глава об отделе славяно-финской археологии. В основе этой главы тоже лежал отчет, но она была настолько переработана, что получился вообще почти оригинальный текст (гл. 6). С очевидным теплом и вниманием здесь рассказано обо всех сотрудниках.

Думаю, что редактору следовало бы заранее задать авторам всех глав некое подобие стандарта, по которому были бы обязательны краткие, объективные и вместе с тем, по возможности, доброжелательные характеристики всех представителей «95 %», особенно ушедших.

Распространенная «болезнь» такой официально-мемуарной литературы — строгие портреты в пиджаках и галстуках с серьезными лицами, как у членов политбюро, и такие же краткие сухие подписи под фото или в текстах. Например, выбрали самое невзрачное фото Окладникова, в то время как есть много других, и особенно широко растиражированная фотография задумчивого А. П. в тайге у костра без орденов и медалей в очень характерной для него ситуации. Правда, в ряде случаев удавалось избежать от этого стереотипа. И фото поживее, и тексты при них мягче и человечнее.

Глава 2. Отдел палеолита (С. А. Васильев). Каменным веком я никогда не занимался, если не считать эпизодических наблюдений над полевыми работами коллег (З. А. Абрамовой и С. Н. Астахова на Енисее) и моими занятиями первобытным искусством, в частности, пещерной живописью и графикой во Франции и в Испании.

Читая эту главу, я обратил внимание на то, как живуча идея об археологических культурах в эпоху палеолита (с. 56). Конечно, здесь есть неясный до сих пор вопрос: что считать археологической культурой. Ведь мнения расходятся. Я читал и П. П. Ефименко, и С. Н. Замятина. Аргументация второго по этому вопросу мне кажется более убедительной.

С огромным интересом я читал скрупулезный анализ Замятиным «захоронения» неандертальца из грота Буффа близ Ля Шапель-о-Сен. Он смог добраться до первоначальных записей аббатов братьев Буссоны, раскопавших эту находку. Из записей следовало, что многие последующие пересказы создавали искаженную картину положения скелета и того, что его окружало. Это дало ему основания сомневаться в том, что здесь было преднамеренное захоронение. Сомневался и П. П. Ефименко. Сомневались и позднее некоторые европейские коллеги.

Читая большой перечень новых открытий, сделанных сотрудниками Отдела палеолита, мне было приятно увидеть среди первооткрывателей Владимира

Питулько, моего дипломника по кафедре археологии. Разумеется, в его открытии и исследовании самого северного верхнепалеолитического памятника со стратиграфией, индустрией и искусством нет никакого моего вклада, но, надеюсь, какую-то часть понимания принципов общенаучного подхода он усвоил в том числе и от общения со мной.

Наряду с подробным представлением результатов полевых исследований, проводимых сотрудниками отдела, в этой главе рассматриваются и дискуссионные вопросы, в частности, уже упомянутая выше проблема палеолитических культур. «Идет постепенный отказ от использования понятия “археологическая культура” применительно к нижнему и среднему палеолиту. Да и при анализе верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы все большее число исследователей предпочитает пользоваться принятыми в европейской археологии терминами широкого культурно-хронологического плана (ориньяк, граветт, мадлен и др.) и их производными. Своеобразие культурных проявлений в каменном веке на территории Восточной Европы, да и в Сибири, явно было преувеличено» (с. 73).

Полностью соглашаясь с этим утверждением, хочется еще раз вспомнить прозорливость С. Н. Замятнина и отметить, что традиционные французские термины не могут быть заменой воображаемым палеолитическим культурам, если к каждому из них не прибавить слово «эпоха» или «период».

Еще из сугубо палеолитических проблем я хотел бы привлечь внимание к тому, что с уходом из жизни Зои Александровны Абрамовой образовалась пока никем не прикрываемая дыра в области изучения искусства эпохи палеолита. И нет вины Абрамовой в том, что у нее не осталось прямых учеников. В таких делах учеников не рекрутируют, а ими становятся только те, кто этого очень хочет и не считает с затратами времени и сил. Проблема оказалась несоизмеримо сложнее, чем мы ее видели в 60–70-е гг.

В Сибири и Казахстане у меня остались ученики, достигшие уровня кандидатов и докторов наук. Но пока только одной из них, при знании двух языков и возможности общаться с зарубежными коллегами, удалось достичь основ понимания сложности проблемы.

Глава заканчивается не очень веселыми, но абсолютно верными словами по результатам критического анализа сегодняшнего состояния археологии палеолита в стране. Большинство этих выводов касается не только археологии палеолита и неолита, но практически всей нашей науки.

Десять лет (1990–2000 гг.) мне довелось по одному-два месяца в году с близкого расстояния наблюдать работу наших французских, американских, испанских и итальянских коллег.⁴ До этого, в более краткие сроки, я видел, как работают чешские, болгарские, венгерские и шведские археологи.

Конечно, первое, что бросается в глаза, — быт: сборные домики или автокараваны, электричество, душ и прочие блага цивилизации. Но наши французские коллеги, работая с нами на Алтае, в Туве, в Хакасии и Красноярском крае, жили в тех же палатках и ели ту же пищу, передвигались на тех же «вахтовках». Однако научный инструментарий, фото-, видеофиксация, ГИС-технологии,

⁴ Все это происходило в годы моей работы в КемГУ (1985–2011). В ЛОИА я был вообще невъездным, а мои первые зарубежные командировки начались во время службы в Эрмитаже (1975–1985), когда меня избрали индивидуальным членом ICOM при ЮНЕСКО.

а главное — четкий алгоритм методики полевых работ — опережал нас много. И все же за эти десять лет нам удалось подготовить и издать шесть объемистых томов каталога «Петроглифы Центральной Азии...».

Глава 3. Экспериментально-трасологическая лаборатория (В. Е. Щелинский). Как и в главе об отделе палеолита, текст представляет собой полную копию предыдущей публикации в «Записках ИИМК» (№ 6: 2011: 7–34). Правда, в главе об отделе палеолита на с. 74 есть отличие от более раннего текста: вместо «прошло 25 лет» (Записки, 2008: 41) — «прошло уже почти 30 лет». Все же, думаю, что следовало бы сделать сноску и сослаться на оригинал. В связи с этим нет особого желания подробно рецензировать данный текст. Он вполне обстоятельный, но написан для отчета, а не для такого издания.

Важность экспериментально-трасологического метода С. А. Семенова давно ни у кого не вызывает сомнений. Всеобщее мировое признание сделало это очевидным. Так же очевидно и то, что мировое признание, госпремия, международные успехи не помогли лаборатории выбраться из безнадежной нищеты в части лабораторно-аппаратного комплекса. Можно только восхищаться тем, что некоторые ученики Семенова в таких условиях еще умудряются получать приличные результаты. Наверняка им известно, что делается в этой области за рубежом.

Я как-то пришел к Семенову за советом, как без микроскопа, с обычной лупой определить, каким (каменным или металлическим) инструментом выбивались наскальные изображения на девонском песчанике. Он посмотрел таблицу плотности породы и дал мне исчерпывающую консультацию, добавив совет документировать результаты стереофотографиями.

Когда-то он начинал свои исследования в составе лаборатории археологической технологии. Выступая на его чествовании в связи с 70-летием, я его позвал назад в «родной дом». Сергей Аристархович обещал подумать, но события по другому сценарию помешали этому. К вопросу о естественнонаучных методах я еще вернусь ниже.

Глава 4. Отдел истории Центральной Азии и Кавказа (В. А. Алекшин). За 14 лет моей работы в секторе Средней Азии и Кавказа, о чем забыл автор главы, я хорошо узнал всех его сотрудников. Живых осталось совсем немного: Э. Б. Вадецкая, В. И. Распопова, М. Н. Пшеницына, Э. С. Шарафутдинова (ушла на пенсию). Может быть, кого-то я упустил, простите, и дай вам бог еще долгих лет.

Данная глава, как и две предыдущих, является полным переизданием отчетов, опубликованных в «Записках ИИМК» (№ 2: 10–92 и № 7: 187–194). Отличие лишь в том, что в первоначальном тексте были благодарности за помощь сотрудникам архива. Из переиздания они исчезли. Текст представляет собой добротный отчет о работе отдела/сектора за все годы его существования. Разумеется, упоминаются почти все, кто имел к этому какое-то отношение. Но это — именно упоминания без каких-либо личностных оценок, как в канцелярии отдела кадров. Когда, например, пишется, что работами Массона, Хлопина и Заднепровского было создано новое направление (с. 140), это верно, но только в общем. Для тех, кто знал отношения этих троих исследователей между собой, что-то выглядит комично, а что-то совсем иначе.

О вкладе Массона я уже писал, в остальном для меня неприемлемо исправлять этот изъян по чисто этическим причинам. Я уже больше 40 лет вне ИИМК.

Если о сотрудниках других отделов и о руководителях я мог что-то написать как бы со стороны, т. е. нейтрально, то в данном случае с каждым из коллег я был связан дружбой, приятельством или «неприятельством», и получились бы заповздалые субъективные оценки. Ну, например, что бы я мог сказать о даме, которая на пустом месте сочинила и активно распространяла слух о моей эмиграции в Израиль? Если бы автор отчета кого-то критиковал или захваливал, был бы предмет для полемики. А так, без оценок вообще, спорить не о чем. Для нынешнего, уже второго после нас поколения, думаю, было бы попросту непонятно, о чем речь.

Попытаюсь исправить некоторые неточности или неясности. Почему и как С. И. Руденко и С. А. Теплоухов оказались в Томске (с. 105)? Как и М. И. Ростовцев, Руденко понимал, что рано или поздно новая власть за ним придет. Так же считал и Теплоухов. За Уралом власть была у Колчака. Летом 1918 г. Руденко перешел линию фронта с Колчаком, на время осел в Миассе и здесь получил приглашение от декана физико-математического факультета Томского университета принять участие в конкурсе по кафедре географии, а до этого занять должность доцента. В Томске одним из его сотрудников стал переехавший сюда из Перми С. А. Теплоухов, который тогда начал планомерные археологические раскопки в Минусинской котловине.

Красноярская экспедиция была не первой для отдела и ИИМК крупной полевой кампанией. Волго-Донская не считала денег, поскольку там работали заключенные. Шоком была Иркутская (Байкальская) экспедиция 1959 г., на которую на *один сезон* было отпущено более миллиона дореформенных (1961 г.) рублей. На Байкал был мобилизован весь ЛОИА, многие москвичи и сибиряки (подробнее в тексте о гл. 7).

Шилов не просто не смог погасить конфликт между Грачом и Мандельштамом (с. 141). Он его подогревал. Летом 1971 г. я мотался между отрядами Грача и Мандельштама, безуспешно пытаюсь их примирить. При этом Грач был готов к примирению, но Мандельштам стоял «на смерть». Вернувшись в Ленинград, я сказал Шилову: «Ведь они оба ваши друзья, всыпьте им обоим и помирите». Шилов ответил: «Мне Толя дороже».

Когда я увидел в составе комиссии, снимавшей меня с работы, Мандельштама, мне стало ясно, что за добро нужно платить. За спасение Шилова от исключения из КПСС или строгого взыскания и за попытки примирить Мандельштама с Грачем.

Но я через 23 года получил реабилитацию, а Грач не дождался восстановления доброго имени и умер в 1981 г. А ведь это был незаурядный человек и не менее крупный специалист, чем неоднократно упоминаемые в тексте главы другие коллеги. Еще во время работы в МАЭ его стихией стали Саяны и, прежде всего, Тува. В 1963 г. он не поладил с проф. Л. П. Потаповым, и его перевели со ставкой в ЛОИА, где он включился в работу Красноярской экспедиции. Сразу стало ясно, что это был прирожденный полевик, хотя ни семейная традиция, ни специализация в университете (античность) этому не способствовали.

Он рано женился. Сокурсники иронизировали: Шура Грач влюбился в Нонну Журавлеву. В доме у Грачей на Крюковом канале, близ Мариинки, всегда «толклись» балерины — ученицы мамы, Лидии Михайловны Тюнтинной, педагога

Вагановского училища. Среди них Алла Осипенко, Каля Федичева и др. Однажды я засиделся у них за вечерним чаем. Пришла из театра Лидия Михайловна и сказала: ребята, у нас в буфете появились новые конфеты под названием «Мишка на Западе». В этот день объявили о невозвращенце М. Барышникове.

Мы с Грачом двумя отрядами в 1963 г. впервые начали обследование правого берега зоны Красноярского водохранилища. Там оказалось очень много практически неизвестных раньше памятников от палеолита до «главлита». Подозреваю, что, если бы не наша инициатива, правый берег так бы и остался необследованным, поскольку М. П. Грязнов с помощниками, З. А. Абрамова, Г. А. Максименков, А. А. Гаврилова, А. В. Давыдова, Л. П. Зяблин в первые же сезоны обнаружили на левом берегу столько неучтенных памятников, что их обследование так и не было завершено до проектного наполнения водохранилища. Одновременно с работой на правом берегу Грач готовил документацию для новой, Саяно-Тувинской экспедиции, которую он возглавил в 1965 г. и в которой через восемь лет так печально закончилась его научная деятельность.

В Туве его все знали, от простого чабана до Салчака Тока, первого секретаря Тувинского обкома КПСС. Грач был непревзойденным мастером устанавливать хорошие отношения с местной властью. Будучи беспартийным, он добивался приема у секретаря местного райкома КПСС и делал на бюро доклад со слайдами. После этого во все аймаки поступала депеша оказывать содействие экспедиции Академии наук.

Несмотря на перенесенную тяжелую психологическую травму, Грач успел подготовить к изданию книгу (1980), которая должна была стать его докторской диссертацией, и уже была предварительная договоренность с А. П. Окладниковым о защите.

Читая главу 4, мне очень хотелось провести социологическое мини-исследование, основанное на частоте упоминания имен сотрудников. Увы, не было запаса времени. Но и без анализа было ясно, что чаще всех упоминается Массон, и это в каком-то смысле оправданно. Но разница в частоте упоминания остальных «95 %» вызывают вопросы. Например, я с трудом отыскивал упоминания о Д. Г. Савинове (с. 137, 150, 381). Все неверно. Он не мог быть учеником Грача, поскольку познакомился с ним (точно не помню) либо на последнем курсе ЛГУ, либо уже после окончания. Его учителем по диплому был Артамонов, который попросил меня помочь его студенту в части петроглифов, хотя студент в этом не очень нуждался. Его учителем в полевых исследованиях был Грязнов, в чьих экспедициях Савинов участвовал с 1959 г. Считать время его работы в ЛОИА с 1984 по 1990 гг. совершенно неправильно даже по-канцелярски. Все постоянные (на договорах) сотрудники новостроечных экспедиций были реальными членами коллектива ЛОИА, и автор их упоминает чаще, чем Савинова, хотя вклад многих из них в науку нулевой в сравнении с вкладом Дмитрия Глебовича. После Грязнова Савинов уже давно крупнейший специалист по археологии Южной Сибири и Саян. И еще: известно ли автору главы и сотрудникам отдела, что Савинов — внук Б. Л. Богаевского?

В 1988 г. директором ИА был избран акад. В. П. Алексеев. Странно, что в книге он вообще не упоминается. В то время ЛОИА еще не стало самостоятельным институтом, и роль директора головного института была для ЛОИА

по-прежнему важной. До этого я встречал Алексеева в доме у Грачей. В Ленинграде он обычно навещал своего ближайшего коллегу И. И. Гохмана, а также Грача. Когда умер Грач, Алексеев приезжал на похороны. Однажды в Москве я подошел к уже директору Алексееву перед открытием какой-то конференции и сказал ему, что неплохо бы вернуть покойному Грачу доброе имя. Алексеев ответил, что у него многое запланировано, но просто руки еще не дошли. Увы, в 1991 г. он внезапно скончался.

Сейчас создан отдел охранной археологии (см. ниже). Опыт наших новостроечных экспедиций 60–70-х гг. никто не анализировал. На самом же деле, если по гамбургскому счету, в результате порочных методов первоначально-го планирования ни одна из них в полном объеме своих задач не выполнила. К этому вопросу я еще вернусь.

Обилие архивных материалов, использованных при написании текста, это очень хорошо. Но сами по себе, без авторской концепции или без свидетельств еще живых людей, эти материалы не создают объемной картины. Правда, как говорится, спасибо и за это. На фоне нынешних грустных событий, связанных с «тихим» погромом всей Академии наук и сокращением финансирования раскопок, возможно, кто-то вернется к истории ИИМК РАН с акцентом на морально-психологическую сторону жизни и деятельности этого коллектива бескорыстных служителей науки и напишет не только о Массоне, но и о А. М. Беленицком, С. С. Черникове, К. Х. Кушнарево, И. Б. Бентович, В. С. Сорокине и др.

По-видимому, автор этого очерка, которого я помню среди моих студентов, не знал или забыл о том, что я пришел в ЛОИА в аспирантуру в 1958 г. и как научный работник сформировался именно в этом замечательном коллективе. Когда в 1967 г. меня по конкурсу избрали заведующим лаборатории археологической технологии, я до самого увольнения оставался последовательно начальником отрядов Красноярской и Саяно-Тувинской экспедиции и научной связи не терял ни с сектором, ни со своим научным руководителем М. П. Грязновым, ни с большинством коллег. За мной там даже сохранялся стол. Я чувствовал себя там как дома, хотя знал, что не всем, в том числе и Массону, это нравится. В тексте главы аккуратно перечислены и в большинстве представлены (даже неоднократно) в фотографиях все, кто имел отношение к сектору, кроме меня. Что это? Простая амнезия или рецидив политики замалчивать неугодных начальству людей?

Обычно этапы развития науки и научных коллективов связаны с именами лидеров. Например, история: Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров; археология: В. А. Городцов, А. А. Спицын; физика: П. Л. Капица, Л. Д. Ландау и т. д. С моей точки зрения, период 50–80-х гг. был тем временем, когда в секторе было два корифея: М. П. Грязнов и А. М. Беленицкий. Вокруг них сосредоточивались на разных расстояниях все остальные. 1980–2000-е гг. — В. М. Массон. Кого сейчас можно назвать таким лидером, мне сказать трудно. И трудно предположить, кто им станет через 5–10 лет. Если бы эту главу писали не как «отчет о проделанной работе», а как историю научного коллектива, эти вопросы должны были возникнуть и на них следовало бы ответить.

Глава 5. Отдел истории античной культуры (Ю. В. Виноградов). Автор тоже не устоял перед тем, чтобы использовать собственный отчет («Записки

ИИМК» № 4, 2009: 7–49) с незначительными изменениями (с. 163, 168, 170–172 и др.). Но в данном случае я не вижу в этом желания избавиться от «занудного» труда. Автор еще в первичном тексте излагает события и профессионально-психологические «портреты» старших коллег, заражая читателя интересом и сочувствием к трудному пути отдела, начиная от его основателей Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелева, М. И. Максимовой до Ю. В. Андреева с современным, уже тоже не очень молодым поколением.

Мне здесь практически нечего анализировать, тем более что я — не античник. Небольшой личный опыт участия в раскопках Нимфея в 80-х гг., конечно, недостаточен для компетентных суждений. Но все же мне хочется коснуться некоторых событий и связанных с ними действующих лиц.

В разных местах книги упоминается, что декрет об организации РГАИМК в 1919 г. был подписан В. И. Лениным. Думаю, что не только у меня, но и у других возникал вопрос, почему именно Ленин в такой тяжелый для страны период поставил свою подпись под далеким от магистральной политики документом и даже поправил название академии. Прошел всего год после переезда правительства Ленина в Москву. Мне довелось слышать о существовании легенды. Шла подготовка к организации «Вольной Академии духовной культуры» (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. А. Флоренский и др.). По указанию Ленина начались преследования и подготовка к высылке активистов («Философский пароход»). Б. В. Фармаковский был гимназическим товарищем В. Ульянова. Их родители общались семьями. Среди потенциальных учредителей РАИМК возникла идея противопоставить Академии духовной культуры ИАК, преобразованную в Академию материальной культуры. Был составлен проект декрета и встал вопрос о том, кому ехать с ним в Москву. Академики А. Е. Ферсман, С. Ф. Ольденбург, С. А. Жебелев, Н. Я. Марр и др. дружно взглянули на Фармаковского и предложили поехать ему. Было бы интересно проверить эту легенду. Наверняка и в то время в Кремле, в приемной председателя Совнаркома, уже существовала регистрация посетителей.

В тексте много и обоснованно говорится о гонениях на археологов и историков со стороны «ученых» деятелей большевистской власти в 20–30-х гг. Довольно скоро сами гонители становились жертвами.

Когда я поступил в ЛОИА, еще были живы и активно трудились те, кто лично знал основателей РАИМК-ГАИМК. Незабываемо было заседание Ученого совета ЛОИА памяти С. А. Жебелева в 1968 г. Особенно трогательным было выступление М. И. Максимовой, которая виделась с ним последний раз за два дня до его кончины. Вот некоторые ее слова: «Существует ходячее выражение — “жрец науки”... Но с понятием жреца связано представление о какой-то важности и торжественности, а обе эти черты были абсолютно чужды покойному. Его отношение к науке, скорее, можно охарактеризовать как служение ей, полное беззаветной преданности и бескорыстия... Как истинный рыцарь, Сергей Александрович не терпел никаких случайных и тем более сознательных профанаций чистого образа своей “прекрасной дамы” и в этих случаях бывал беспощаден и не признавал никаких компромиссов. В то же время, как настоящий ученый, он был не менее строг и к собственной научной продукции» (Максимова 1969: 86–87).

В 1928–1929 гг. партийные власти спровоцировали травлю Жебелева в связи с публикацией в «контрреволюционном, белоэмигрантском» журнале

«Seminarium Kondakovianum», посвященной памяти Я. И. Смирнова. Это были последние свободные выборы академиков по старым дореволюционным правилам, и власть пыталась на них повлиять. Жебелева назвали «махровым реакционером и апологетом дворянской исторической науки».

Возведенные на него нелепейшие обвинения в конце концов лопнули как мыльный пузырь, не оставив после себя никаких следов. Но эти события отняли у Сергея Александровича много сил, духовных и физических (Максимова 1969: 88). Позже стало ясно, что его главным хулителем в 1928 г. был акад. П. К. Коковцов. Война их уравнила: они оба в 1942 г. погибли от истощения в блокадном Ленинграде.

После Отечественной войны начались другие гонения, не столь жестокие, но чувствительные. Для меня, недавно вошедшего в ЛОИА аспиранта, мало понимавшего в античной археологии, показалось невероятным выступление руководителя сектора В. Ф. Гайдукевича против кандидатской защиты, можно сказать, своего ученика и сотрудника И. Б. Брашинского. Позже я ближе познакомился с Брашинским и понял, что этот неуемный парень, возможно, кого-то и раздражал. Но он же был профессионалом высшей пробы. И уж его травля со стороны некоторых московских коллег и Рыбакова была совсем безобразной. А ведь Брашинский создал новое направление — точные методы изучения греческого керамического импорта в Причерноморье и выявление конкретных торговых путей. Есть успешные последователи (С. Ю. Монахов, В. И. Кац и др.). У него было слабое сердце. Эта травля укоротила ему жизнь.

Автор главы хвалит И. Г. Шургая. Возможно, он действительно был хорошим и полезным руководителем и специалистом. Мне было интересно слушать, как он декламировал на память большие фрагменты латинских текстов. Но с момента, когда он попался на удочку Шилова, который сделал его и Щетенко заведующими секторами с высокой зарплатой, его все время мучила совесть. До этого он хорошо относился ко мне и к Грачу и благоговел перед его женой Нонной. Но теперь был вынужден (особенно на заседании месткома) поддерживать развернутую Шиловым против нас клеветническую кампанию. Потом его сместили под благовидным предлогом, потом снова назначили. В общем, все это не прибавило ему здоровья.

Когда я заведовал лабораторией, в ЛОИА появился А. Н. Щеглов. Я знал, что он экспериментирует с археологической геофизикой. Меня это очень интересовало, и я надеялся через какое-то время перетащить его в лабораторию и создать там ему группу. У нас были контакты с кафедрой геофизического приборостроения Горного института. У Щеглова на Тархан-Куте работали толковые и заинтересованные студенты-геофизики. С. И. Руденко мечтал о передвижном геофизическом приборном комплексе на микроавтобусе. Мне удалось через Президиум АН СССР при поддержке Рыбакова такой комплекс достать, но, увы, автомобиль вскоре передали ВИМСу, а в 1972 г. все планы вообще рухнули.

Из главы непонятно, продолжает ли кто-то эту тематику в отделе, а она заслуживает внимания и уже широко распространена не только у наших зарубежных коллег, но и в Петербурге («Археофизика», Т. Н. Смекалова), но не в ИИМК.

После скоропостижной кончины И. Б. Брашинского и до прихода в отдел Ю. В. Андреева никто не владел древнегреческим, тем более — микенским.

Конечно, раскопки можно вести и без этого, а отчеты все равно пишутся порусски, но все же археология — историческая наука. Я был близко знаком с А. И. Зайцевым, читал некоторые книги Андреева, даже однажды встречался с ним у общих знакомых. Конечно, это был историк-классик супервысокого уровня. Увы, тоже рано ушел из жизни.

Думается, что античному сектору не меньше, чем другим, есть что вспомнить из своей истории, и это не должно отлеживаться в архивах.

Глава 6. Славяно-финский отдел (Н. И. Платонова, А. Н. Кирпичников). Глава об отделе славяно-финской археологии тоже могла бы стать копией уже опубликованного в «Записках ИИМК» № 5 отчета. Но авторы не пошли по пути простого копирования. Они смогли удачно сочетать рассказ о нелегких этапах научного становления и развития коллектива и на этом фоне дать объективные оценки и характеристики ушедшим коллегам, с явным сочувствием к их судьбам.

Во времена ГАИМК-ЛОИИМК в этой группе собрались очень разные люди, но всех их объединяло одно общее свойство: прекрасное образование, высокий профессионализм, интеллигентность, доброе отношение к другим и любовь к своей науке. Из данного текста я для себя сделал несколько небольших историографических открытий. Оказалось, что можно 14 лет работать в помещениях, расположенных одно против другого, дверь в дверь через коридор, и кое-чего не знать.

На с. 192 в сноске я обнаружил упоминание о Николае Дмитриевиче Протасове, протоиерее и известном церковном археологе, одно время сотруднике ГИМ. Для меня стало новостью, что он в 1920-е гг. был сотрудником ГАИМК. Я много лет дружил с семьей его дочери Ирины Николаевны Вульфсон. Доктор мед. наук и ветеран Великой Отечественной войны, она была замужем за проф. Н. С. Вульфсоном, известным биохимиком. Еще была жива вдова Николая Дмитриевича — Надежда Христофоровна, которая читала газету «Юмани-те» и снабжала нас новостями из-за «железного занавеса». Жив внук Н. Д. — А. Н. Вульфсон, тоже биохимик, который школьником и студентом провел несколько сезонов в моих экспедициях. Возможно, у него сохранились какие-то семейные документы, относящиеся к деду.

Огромное уважение у меня вызывала Мария Александровна Тиханова. Мне казалось, что она знает немыслимое количество языков. Однажды мы с ней случайно столкнулись в Солнечном, в конторе дачного треста, где она снимала дачу. Чем-то недовольная, она бегло заговорила со мной по-немецки, видимо, думая, что я должен по происхождению знать этот язык. Я почти ничего не понял, и тогда она со свойственным ей добрым пафосом воскликнула: «Вам не стыдно?» В день моей кандидатской защиты мы с В. Г. Лукониным курили в коридоре у Дубового зала, ждали Артамонова. М. А. шла мимо, подошла, достала неизменный «Беломор» и, как обычно, громко спросила меня: «Ну что, волнуетесь?» А я возьми да скажи: «Нет». В ответ еще громче: «Ах, какой нахал!» и пошла дальше. Однажды чем-то рассерженный ею Каргер мне сказал: «Я ей напомню, что она была членом партии кадетов». Но, по-моему, эта высокая, тощая, не очень женственная дама, обладавшая, тем не менее, особым шармом, никого не боялась. О Каргере я писал выше.

С момента вступительного экзамена в аспирантуру я был уверен, что Н. Н. Воронин был москвичом, и только теперь узнал, что он учился в ЛГУ, работал в ЛОИИМК, отсюда ушел на фронт. А в Москве оказался и остался после ранения.

Читая, как А. Н. Кирпичников еще в молодости научился очищать клинок меча и обнаруживать клейма и имена мастеров, я вспомнил, что до него этим занимался Б. А. Колчин, по первоначальному образованию техник-металлург. В конце 40-х и в 50-х гг. еще были живучи остатки борьбы с космополитизмом, норманистами и преклонением перед Западом. У Колчина надписи почему-то обнаруживались славянские, и когда Кирпичников показал ему клейма и надписи скандинавских мастеров, Колчин, в своей манере, ответил: «Ну что вы от меня хотите, мы все тогда были детьми...»

С Иваном Ивановичем Ляпушкиным я познакомился поближе в середине 60-х, когда был ученым секретарем лаборатории археологической технологии и участвовал в работе комиссии по определению ее задач. До этого я видел в Ляпушкине чудаковатого человека, который много ходил взад-вперед по коридору в глубокой задумчивости. Он был председателем комиссии, и в этом качестве я увидел совершенно иного человека. Будучи весьма удаленным от тематики лаборатории по специальности, он обладал блестящей способностью аналитика, умением в четких словах сформулировать не всегда ясные вопросы. Заключение комиссии было написано практически под диктовку его и П. А. Раппопорта, по первоначальному образованию инженера.

Было принято считать, что Каргер никого не любил (с. 42). Я был согласен с этим, но на панихиде по внезапно скончавшемуся Ивану Ивановичу я увидел другого Каргера. Конечно, он умел говорить «с чувством», но в данном случае, думаю, он был искренен. Он начал что-то говорить, потом запнулся, всхлипнул и сквозь слезы тихо сказал: «Без Ивана наш сектор осиротел».

Сравнительно недавно, во время моей добровольной «сибирской ссылки», на какой-то конференции в Томске я оказался за одним банкетным столом с дамой, которая была и внешне, и по манерам очень похожа на кого-то из моих давних коллег по ЛОИА. В уме я лихорадочно вспоминал, кого она мне напоминает, но она сама мне подсказала и мне стало стыдно. Елена Владимировна Ревуненкова, известный этнограф, специалист по Индонезии и Малайзии, дочь Фриды Давыдовны Гуревич, к которой я относился с большим уважением.

Вообще хочу еще раз отметить, что, возможно, в содержании текста данной главы и найдутся какие-то ошибки или недочеты с точки зрения профессионалов, но на фоне остальных глав, как говорят, «в человеческом измерении» ее можно считать образцовой.

Глава 7. Отдел охранный археологии (Н. Ф. Соловьева). До переезда в Кемерово меня дважды или трижды в 1970-х гг. приглашали туда читать спецкурсы. В один из этих приездов среди старшекурсников я отметил бойкую, умненькую девушку Наташу Покровскую. Потом она появлялась в Эрмитаже, потом я узнал, что она работает у Массона. Приятно осознавать, что выпускники той кафедры, на которой я проработал 26 лет, оказались востребованы не только в Сибири. В Херсонесе Л. Казанцева (сейчас у нее польская фамилия), в Санкт-Петербурге Д. Арзютов (Кунсткамера), С. и М. Макаровы (служба охраны памятников); в Москве Д. А. Функ (зав. каф. этнографии МГУ, зав. отд.

ИЭА РАН) и др. И вот теперь Наталья Федоровна Соловьева — зав. отделом охранной археологии ИИМК.

Первые 5–6 страниц текста занимает подробный и тщательный обзор спасательных и/или подсобных работ, начиная с ИАК и до современного ИИМК со специально организованным отделом во главе с автором главы. Перечислены все крупные новостроечные экспедиции, которым дается в целом положительная оценка. Заметно, что максимально добросовестно использованы архивные материалы. Много внимания уделяется охране и исследованию памятников сравнительно недавнего времени на территории Санкт-Петербурга. Археологическими их можно назвать с большой натяжкой. Действительно А. Д. Грач был пионером городских раскопок. Искали следы научных лабораторий между зданиями МАЭ и Академии наук. Правда, Грач тогда работал не в ИИМК, а в МАЭ, в должности ученого секретаря. Нашли несколько обломков колб, тиглей и другой «алхимической» посуды, утвари и инструментов.

Отделу всего три года, но уже видны первые результаты организационной, научной и основной деятельности, называемой в главе «охранно/спасательной», как будто это неразделимый комплекс мер. Очень хорошо, что появился специальный Бюллетень ИИМК по охранной археологии. Он может стать местом обсуждения существующих и возникающих проблем в этой области. Такие дискуссии пойдут только на пользу молодому, энергичному коллективу.

Теперь о проблемах, разрешение которых пока видится вдалеке, но начинать их обсуждение необходимо сейчас. Я бы не стал объединять охрану и спасение памятников. Это — разные, иногда даже противостоящие функции, и нужно с самого начала формировать специальные группы «спасателей» и «хранителей». Правда, есть один способ соединить обе функции, но в наших условиях он почти невыполним. Это, например, когда меняют проект прокладки трубопровода, ЛЭП или дороги, чтобы обойти памятник, или, как в Португалии, замедлить строительство гидроузла.

Спасение. Выше я уже отмечал, что у нас никто не анализировал опыт больших новостроечных экспедиций. Здесь две главных проблемы: 1) недостаток или полное отсутствие проектно-изыскательского этапа, а по-нашему — данных предварительной подробной археологической разведки местности; 2) некачественный проект строительства, в результате чего фактическое очертание зоны разрушения или затопления оказывается всегда больше проектного. Памятники, которые по проекту считались вне зоны разрушения или затопления, трогать было нельзя. Одна из внешних причин конфликта между Грачом и Мандельштамом заключалась в том, что Мандельштам начинал копать памятники за пределами зоны. Но подчеркиваю: именно внешних. Истинной, глубинной причины этого печального события никто не рассматривал.

Несколько примеров. Деньги на обследование берегов Байкала (1959) свалились «с неба» внезапно. Никакой предварительной разведки не было. Была обследована незначительная часть южного побережья до о. Ольхон. Более 2/3 территории вообще не было обследовано.

Перед началом работ Красноярской экспедиции был составлен список из примерно 100 памятников, в основном на левом берегу Енисея. За первые три-четыре сезона стало ясно, что на самом деле их на порядок больше. Следовательно, нужно было в 10 раз удлинить сроки обследования, вместо

10 сезонов — 100 (!) и, соответственно, во столько же раз увеличить финансирование. Но у нас не Португалия, и об этом даже заикнуться было невозможно, если ты не хотел, чтобы тебя тут же уволили. Считалось, что неолита на Среднем Енисее не было, а в 1968 г., когда уже началось заполнение водохранилища, Л. П. Зяблин и его сотрудники под горой Унюк в воде собирали керамику и нефрит из неолитического слоя.

Средства на Саяно-Тувинскую экспедицию были отпущены в 1964 г. Списка и карты памятников не было вообще. Помогла аренда вертолета и прибрежные разведки на моторных лодках (Астахов, Самбу, Шер и др.). Легче было то, что основная часть водохранилища проектировалась в глубоком каньоне, где памятников было мало, они были на верхних террасах и не попадали в зону затопления.

Из всего этого следует, что серьезная археологическая разведка должна проводиться не с момента начала финансирования, а в ходе предпроектных изыскательских работ, как это было, например, в зоне проектирования газопровода в Китай через Алтай.

Охрана. Здесь, казалось бы, все проще: существует государственная служба охраны и использования памятников. О ее эффективности можно спорить, но она официально узаконена. Если для группы спасателей нужен штат специалистов из опытных полевиков, то для группы охраны нужно три-четыре хорошо образованных эксперта по разным направлениям археологии и архитектуры. Их должностные инструкции должны быть официально согласованы с Минкультуры. Их задача — разработка концепции и регламента спасения памятника и постоянный или периодический контроль за их исполнением. Финансы должны идти через Минкультуры, но в правах и обязанностях экспертов должна быть предусмотрена возможность выдачи предписаний об остановке или прекращении работ, не соблюдающих концепцию и регламент.

К сожалению, в реальной жизни все намного сложнее. В наших условиях чиновничий произвол нагло игнорирует любые законы, если их решения связаны с большими деньгами. Может быть, следует вообще отказаться от охранных мероприятий. Пусть ими занимается и за решения отвечает ведомство г-на Мединского, которому это вменено законом.

Хочу отметить одну «мелочь». Архивные материалы — важнейший источник информации, но бесценным дополнением к ним должны быть свидетельства живых людей, которые нужно записывать (идеально на видео) и хранить для очередных публикаций. Нигде в архивах вы не найдете грустно-веселых замечаний инженеров-строителей Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС о том, что они работают по принципу 2D + 2P («Давай-Давай, Потом Посмотрим»). Этим «принципом» было заложено не только произвольное изменение контура водохранилища, затопившего памятники, которые считались вне зоны затопления. Хуже другое: так возникла потенциальная возможность катастрофы на СШГЭС, где разрушение шпилек, крепивших крышку турбины, привело к затоплению турбинного зала и к гибели 75 человек.

Хочется пожелать успехов новому отделу и его энергичному заведующему.

Глава 8. Лаборатория археологической технологии и ее радиоуглеродная группа: история создания и современное состояние (Г. И. Зайцева). По понятным причинам, не скрою, после моего изгнания я ревностно

следил за работами моих коллег по лаборатории. Заведующим был назначен приятель Шилова, некто В. Г. Сиповский, специалист по торфам. Более далекого от проблем лаборатории человека найти было трудно, но он полностью устраивал Шилова. У наших коллег-археологов преобладала формула: «Вы мне сделайте анализ, а я сам/сама решу, как мне с ним быть». Иными словами, лаборатория рассматривалась не как научное подразделение, а как нечто вроде мастерской бытового обслуживания. Этот принцип Шилов старался соблюдать и потому пригласил Сиповского, который его выполнял. Если возникали недостатки, он их списывал на последствия моего вредного руководства.

Эти мои заметки нисколько не противоречат статье Г. И. Зайцевой, но до того, как она возглавила радиоуглеродную группу, ей оставались либо неизвестными события 1967–1972 гг., либо они подавались в искаженном виде. Вскоре после моего изгнания из ЛОИА уволились Г. М. Ковнурко, Д. В. Наумов и В. Н. Сидоров, потом А. А. Семенцов и В. Ульянов, И. В. Богданова-Березовская, а еще через некоторое время — В. М. Молебников и Н. С. Маланова. «Потерялась» Т. Кулькова (отчество не помню), работавшая с Богдановой-Березовской. М. А. Кулькова, вероятно, однофамилица, появилась после меня. Б. Н. Пяткин был уволен, а С. С. Миняев переведен в сектор Средней Азии и Кавказа. Через много лет Семенцов вернулся в лабораторию (2005). Несколько лет наблюдалась текучка кадров. Приходили и уходили радиохимики и радиофизики. А. А. Семенцова «обменяли» на Ю. Н. Маркова. Марков допускал ошибки и искажения в датировках и скрывал их, и т. п.

Прежде чем согласиться баллотироваться в заведующие, я три года был ученым секретарем лаборатории, официальным (по приказу), хотя зарплату получал как м. н. с. сектора археологии Средней Азии и Кавказа. За три года ученого секретарства я достаточно хорошо, изнутри понял суть задач лаборатории, уровень сотрудников и их возможности. Выборы были альтернативными: мы конкурировали с П. М. Долухановым. Я победил с небольшим перевесом. Долуханов стал моим заместителем. С ним у нас еще раньше сложились приятельские отношения. Руденко оставался консультантом лаборатории и продолжал активно участвовать в нашей работе.

После избрания я поделился своими мыслями с Сергеем Ивановичем. Он сказал, что и сам давно об этом думает, но не уверен в скором успехе, поскольку большинство заказчиков либо, как Шилов, не верят, либо не знают, что делать с нашими анализами.

Без каких-либо широковещательных анонсов мы начали проводить в жизнь линию совмещения интересов секторов и лаборатории. На первом месте был радиоуглерод и, естественно, сектор палеолита. Борисковский наши предложения всегда поддерживал, сотрудники стали чаще приносить образцы. Метод ^{14}C еще дорабатывался, и мы были заинтересованы в серийных образцах, привязанных к стратиграфии. На мою беду хорошую серию образцов предложил Ю. А. Мочанов, тогда перебравшийся в Якутию. Работа была согласована с сектором палеолита. Через четыре года комиссия по проверке поставила мне в вину работу на чужую организацию, а неявно был пущен слух, что я ее протолкнул чуть ли не за взятку.

На втором месте был спектральный и химический анализ. К нему интерес проявлялся в секторе археологии Средней Азии и Кавказа, хотя не все

понимали, что делать с результатами. И. В. Богданова-Березовская и Д. В. Наумов набрали приличную коллекцию образцов древней бронзы в Минусинском музее. У нас появился стажер из Москвы Е. Н. Черных, ныне чл.-корр. РАН.

Постепенно лаборатория пополнялась новыми сотрудниками. С. С. Миняев еще студентом был отправлен на физфак ЛГУ изучать спектральный анализ. Б. Н. Пяткин стал заниматься изготовлением и изучением керамических и каменных шлифов и статистической обработкой данных спектрального анализа бронзы. Г. М. Левковская, канд. наук, палинолог, пришла в 1968 г. в группу палеогеографии. П. М. Долуханов, геоморфолог и палеогеограф, был очень образованным человеком, свободно владевшим тремя иностранными языками. Некоторое время он заведовал лабораторией (1988–89). Потом эмигрировал и стал профессором университета в Ньюкасле. Многие его научные книги и статьи говорят сами за себя. Но, думаю, не все знают о его писательском таланте. Помимо рассказов, которые он мне иногда присылал в Кемерово из Ньюкасла, он написал блестящий роман «Тифлис — Ленинград». Книгу мне привезла уже после кончины Павла его вдова Марина Евгеньевна. Она приехала с сыном Петей похоронить урну в Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище, рядом с родителями Павла Марковича. Тогда я вспомнил, как когда-то Паша позвал меня на лекцию приехавшего в Ленинград Клода Шеннона, автора теоремы о теории информации. Шеннона пригласил его отец Марк Павлович, профессор Института им. Бонч-Бруевича, который переводил его лекцию. После лекции мы кратко пообщались с мировой знаменитостью.

Д. В. Наумов внешне выглядел сурово и предпочитал прямые нелицеприятные суждения. Когда к нему в лабораторию с проверкой моего руководства с глубокого похмелья явился член комиссии И. И. Артеменко, он ему прямо заявил, что разговаривать с ним не будет, поскольку он нетрезв. Потом в заключении комиссии прозвучало, что спектральный анализ стекла делается для некоего иностранца (намек на небескорыстную работу). Польский профессор (кажется, Хензел, точно не помню) по согласованию с Рыбаковым готовил международный атлас древнего стекла. После увольнения Наумов поступил на службу в бюро судебной экспертизы, где защитил диссертацию и работал до выхода на пенсию.

Душой радиоуглеродной группы была Евгения Наумовна Романова из того поколения радиохимиков, которые пережили Челябинскую катастрофу. Она досконально знала всю технологию получения бензола и со всеми была одинаково мила и доброжелательна.

А. А. Семенцов, инженер-электронщик из тех молчаливых умельцев, кто может подковать блоху. Однажды он из подручных материалов (зубоврачебный рентген) «на коленке» собрал экспериментальную термолюминесцентную установку. Мог бы сделать и нормальную, но не было средств. Главной его заботой была установка для счета активности ^{14}C , которую он постоянно совершенствовал и довел до современной автоматики, от ламповой до транзисторной. После моего увольнения он ушел из ЛОИА и стал кандидатом наук.

В. Ульянов и В. Молебников были лаборантами химической и физической части. Им не нужно было давать указаний, они прекрасно знали свои обязанности и выполняли их безукоризненно. К. К. Шилик, инженер-конструктор с завода ЭВМ «Минск», занимался геофизической разведкой и древними трансгрессиями черноморских террас, в частности, нимфейской.

Г. М. Ковнурко — петрограф-геофизик, канд. наук, создал новое направление — спектральный анализ кремня — и успешно сотрудничал с неолитической группой сектора палеолита по теме неолитических шахт и путей обмена кремнем. Кроме этого, мы с ним провели интересный эксперимент по искусственной патинизации поверхности камня в термостате с регулировкой температуры и влажности. Получили логарифмическую кривую и тем самым показали, что патина на плоскости камня не может служить датирующим фактором для древних изображений, поскольку древность в 500 лет будет мало отличаться от древности в 5000 лет.

Г. И. Зайцева пишет о гипотезе акад. Б. П. Константинова, связанной с сверхновыми звездами. Мы были включены в эту тему и делали какие-то образцы из старых деревьев по кубикам в 10 годичных колец, как в Аризонской лаборатории, но о дальнейших работах по ней я долго ничего не знал. Суть гипотезы Константинова состояла в том, что вспышки сверхновых должны были влиять на концентрацию ^{14}C в атмосфере Земли. Спустя 30 с лишним лет на конференции в Минусинске я спросил В. А. Дергачева о проверке этой гипотезы. Ответ был: она не подтвердилась.

Намечалось совершенно новое направление — археологическая информатика, которой я усиленно занимался сам. Вроде бы ничто не предвещало того, что Е. Н. Черных на юбилейной конференции лаборатории назвал «зубодробительным ударом». За пять лет нашей работы сотрудниками лаборатории вместе с работниками секторов было опубликовано 25 научных работ, в том числе два сборника: по математическим методам и по абсолютной хронологии. Со второго сборника, который был фактически ленинградским, мое имя с титульного листа было снято. В начале 1972 г., за три месяца до комиссии П. Н. Третьякова, я был премирован за «успехи в руководстве лабораторией археологической технологии».

В июле 1969 г. скончался С. И. Руденко. Я был в экспедиции, в Красноярском крае, телеграмма пришла с запозданием, и прилететь на похороны не успевал. Это была серьезная потеря. Он, несмотря на возраст, всегда был в ясном уме, давал ценные советы и не гнушался юмора. Я когда-то описал рассказанную им историю с пазырыкским ковром и германской ковровой фирмой.

После моего отъезда в Кемерово в 1985 г. мне стало сложно следить за работами коллег. Но постоянные новые публикации, особенно по радиоуглероду, показывали, что лаборатория оправилась от удара и наращивает темпы и качество исследований. После смещения Шилова, вслед за которым к своим торфам вернулся Сиповский, сменилось еще двое заведующих: Н. М. Ермолова, с которой мы были знакомы еще с аспирантских лет, и П. М. Долуханов. Оба были очень достойные люди. Затем лабораторию возглавила Г. И. Зайцева и много лет ею успешно руководила.

Глава 9. Спектральный анализ (А. Н. Егорьков). Увидев отдельную главу, я сначала подумал, что лабораторию археологической технологии разделили. Это противоречило бы моим принципам. Я всегда считал и считаю, что новые идеи приходят на стыках разных наук. Потом понял, что просто руководство лабораторией перешло к Егорькову, а Зайцева по-прежнему возглавляет группу радиоуглерода. Уже с первых строк текста главы стало ясно, что пишет крепкий профессионал. Это вселяло уверенность, что после Наумова и Галибина дело перешло в умелые руки.

Автор удивляется, почему такой аналитик, как Наумов, вдруг ушел из ЛОИА. За ним ушел Сидоров, которого я безмерно уважал за его порядочность и честность. Выше об этом все было сказано. Совет, на котором меня выгоняли вон, не мог не затронуть моих сотрудников. Особенно изгалялись москвичи Артеменко, Медведев и примкнувший к ним ленинградец Мандельштам. Кто-то из выступавших сказал, что с 1951 г., когда громили ЛОИИМК за марризм, такого погрома не было. Особенно жалко было Семенцова. Он был прекрасный мастер, но неважный оратор. Выйдя на кафедру, он смутился, потом собрался и сказал чуть ли не одну фразу: мы не жулики, мы научные работники. Дама, сидевшая сзади меня, всхлипнула в платок. Примерно за полгода после моего увольнения ушло шестеро весьма достойных коллег, не желавших подчиняться некомпетентному начальству. Но вернемся к спектральному анализу.

Автор удивляется еще и тому, что Наумов до формального перехода в ЛОИА из ЛГУ начал выполнять анализы. Руденко имел широкие контакты в ленинградской науке и умел находить нужных людей. Ничего удивительного нет в том, что Наумов начал ему помогать до формального поступления на работу. Сергей Иванович тогда же, т. е. задолго до Нобелевской премии Либби, узнал о радиоуглероде и смог довести до А. Н. Несмеянова идею о необходимости создания специальной лаборатории. Два-три года спустя добиться таких средств уже было бы невозможно.

В 60–70-е гг. оптико-эмиссионная спектроскопия (ОЭС) бронзы и кремня была самым простым, надежным, почти неразрушающим и дешевым методом определения элементного состава древних предметов. Черных, вернувшись после стажировки в Москву, очень энергично взялся за дело, обзавелся помощниками, оборудованием, эталонами и начал быстро накапливать результаты по широкому хронологическому диапазону. Пошли публикации результатов. Появились «конкуренты» в Киеве. Пошли разговоры о точности определений («третий знак после запятой»), о соблюдении методики и т. д.

Мне, гуманитария, было трудно во всем этом разобраться. Я отправил Миная вольнослушателем на физфак ЛГУ, а Пяткину предложил изучить статистическую обработку результатов. И. В. Богданова-Березовская иногда проверяла результаты мокрым химическим анализом. Но меня «своевременно» изъяли из лаборатории, и я мог только видеть, что московские коллеги уходят далеко вперед.

Признаюсь, что чтение этой главы доставило мне удовольствие от заочного общения с автором, глубоко понимающим не только технику и методику ОЭС, но и историко-археологическую интерпретацию результатов. Изложенный им принцип полезности относительно невысокой точности элементного состава древних предметов вполне согласуется с моими собственными мыслями в начале 70-х, когда мы с коллегами обсуждали «третий знак после запятой».

Автор главы признает, что ОЭС уже не соответствует современным требованиям, и в то же время отмечает, что возможности этого метода для археологических задач пока не исчерпаны. Это верно. Мне приходилось наблюдать результаты использования разных современных аналитических методов. Среди археологов сейчас становится популярным рентгено-флюоресцентный анализ бронзы (РФА). Был даже случай, когда в Эрмитаже один американский коллега демонстрировал результаты нейтронно-активационного анализа (НАА) сасанидского серебра. Но здесь есть свои подводные камни. НАА безумно

дорогой, но очень точный. По массовости он уступает ОЭС. Что касается РФА, то я видел сам, как результат зависит от точки снятия показаний. На одном и том же предмете в разных местах получают точные, но разные результаты. Усреднять в таком случае данные нельзя. Нужно либо очищать предмет от пыли, что тоже плохо, либо довольствоваться одной пробой.

Общее впечатление о работе лаборатории в настоящее время хорошее. Конечно, жалко, что потеряна палеогеография (Долуханов, Левковская, Шилик), палеозоология (Ермолова), геофизика (Шилик и потенциально Щеглов), но ничего не поделаешь.

Глава 10. Научный архив ИИМК РАН (Г. В. Длужневская)

Сам я архивом пользовался редко. Чаще — фотоархивом. До какого-то времени они были разделены. Конечно, разумно было все это объединить под одним началом. И хорошо, что руководство архивом было поручено Галине Вацлавне Длужневской, человеку творческому и заинтересованному. К сожалению, она так рано ушла от нас.

С теплым вниманием автор главы характеризует заведующих и сотрудников архивов (тогда разделенных на фото- и рукописный архив). Перед нами возникают образы преданных своему делу, живых людей. Среди них невинно пострадавшие в годы первой волны сталинских репрессий проф. Н. П. Сычев и Н. В. Малицкий.

Т. М. Девель заведовала архивом 24 года. Прекрасно образованная ученая дама, владевшая европейскими языками, латынью и греческим, изучавшая гончарное ремесло Средней Азии. Став заведующей фотоархивом, отдала ему все свои знания и энергию. Она превратила фотоархив в одно из крупнейших фотохранилищ в Европе, которым активно пользуются российские и иностранные специалисты.

Я помню Ольгу Ивановну Бич, проработавшую здесь всю жизнь от РАИМК до ИИМК, включая блокаду. Помню Тамару Борисовну Томес, которая всегда была торжественно-строга и нас всех держала в строгости. Сравнительно недавно я оппонировал докторскую диссертацию Длужневской, которая была по существу главным хранителем этого собрания и фактически первым его исследователем.

Мы иногда спорим о том, что считать археологическим источником, сам памятник, или его научную документацию. В случае археологического рукописного или фотоархива спорить не о чем. Это подлинный источник научной информации.

За полтора века своего существования объем собрания архива ИИМК приблизился к миллиону единиц хранения. Более чем 100 лет к материалам фотоархива обращались тысячи российских исследователей и многие их зарубежные коллеги. Но у каждого были свои, весьма конкретные вопросы к документам, и никто не ставил перед собой задачу подвергнуть научному анализу все собрание в целом или хотя бы какие-то его части. Длужневская со своими сотрудниками в основном впервые анализировала эту документацию.

Важным, с моей точки зрения, представляется выявление и обзор случайных находок, поступавших в ИАК; фотодокументы полевых исследований РАИМК-ГАИМК — введение в научный оборот материалов ряда ранее не известных

экспедиций. Расширенное понимание археологии позволило поднять новый пласт — архитектурные памятники, особенно на Кавказе и в Средней Азии (документы фотографов-любителей, работавших в 1890-е гг.). Ну и, наконец, немаловажное значение имеет то, что впервые на основании документов рукописного и фотоотдела Научного архива ИИМК РАН последовательно изложена собственная история фотоархива и прослежен процесс накопления фотодокументов в 1920–1930-е гг.

Простой подсчет показывает, что только беглый просмотр всех документов по 12 секунд на каждый при семичасовом рабочем дне занял бы более 400 рабочих дней. Но для анализа и систематизации нужно тратить на каждый документ не 12 секунд, а на порядки больше, поскольку необходимо обращаться за справками к ассоциированным документам, изданиям и т. д. Поэтому анализ всего собрания стал теперь задачей, для одного исследователя неподъемной. Необходима серия работ по самому естественному — региональному — аспекту. Таким образом, Длужневской было обозначено новое направление археологического исследования: анализ отложенной или позабытой научной информации. Последовательная, продуманная по структуре публикация этих материалов, своего рода «Корпус архивной археологической документации». Сотни коллег, археологов, этнографов, историков, архитекторов будут много лет обращаться к этим публикациям.

Солидный полевой опыт позволил Длужневской глубоко прочувствовать и понять методы анализа и систематизации фотоматериалов, а также потребности коллег при их обращении к хранилищу фотодокументов.

Большую научно-справочную ценность представляет собой приложение. Особенно для иногородних коллег. Прежде чем ехать в Санкт-Петербург, можно будет заранее составить список необходимых для просмотра дел и оценить объем хранящихся в них документов. Кроме того, персональные фонды могут послужить хорошей основой для биобиблиографического словаря российских археологов либо для расширенного историографического труда.

Материалы, хранящиеся в архиве, помимо того что они характеризуют динамику и источники накопления фондов, имеют важное историографическое значение тем, что отражают высокую активность местных учреждений и обществ, особенно губернских архивных комиссий и местных отделов и отделов ИРГО по сбору сведений о древностях, их исследованию и охране, о пополнении фондов местных музеев.

Большой интерес как для истории нашей науки, так и для структур, обязанных охранять памятники историко-культурного наследия в постсоветских независимых государствах, представляют фотоснимки средневековой мусульманской архитектуры и других археологических памятников, сделанные в 70-х гг. XIX столетия. То же можно сказать и о регионах Сибири и Закавказья. При этом нельзя забывать, что речь идет о времени, когда расстояния в тысячи верст от столиц были весьма серьезным препятствием для регулярных обследований новых регионов московскими и петербургскими археологами и востоковедами. Даже в начале 1-й Мировой войны на Западный и Кавказский фронты были командированы члены Академии наук и их помощники для эвакуации наиболее ценных предметов историко-культурного наследия.

Эти материалы могут также служить серьезным упреком в адрес современных российских государственных и общественных организаций, призванных изучать и охранять национальное историко-археологическое наследие и, особенно, — в адрес наших законодателей, создавших закон, рядом с которым успешно процветают разветвленные мафиозные структуры «черной» археологии.

Научный архив — это уже почти полтора века вполне живой организм, всей своей плотью сросшийся с ИИМК и другими археологическими учреждениями России. Его собрание постоянно подпитывается от них и, в свою очередь, он делится информацией со всеми, кто к нему обращается.

Весьма своевременно были пополнены данные о хранении фотодокументов археологических экспедиций 1919–1956 гг., опущенные в справочнике Воронина и Тихановой. Стало более доступным содержание личных фондов А. А. Бобринского, Г. В. Григорьева, Г. П. Сосновского, Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова, А. А. Спицына и др. Они могут стать весьма важным подспорьем для историографов, поскольку описание ряда событий в российской и советской археологии не всегда преодолевало цензурные запреты.

Глава 11. Из истории библиотеки ИИМК (Л. М. Всевиов)

О библиотеке мне тоже трудно писать равнодушно. Это было второе после канцелярии помещение в ЛОИА, куда я попал. 3 ноября 1958 г. утром прямо с вокзала я пришел в ЛОИА с приказом о зачислении в аспирантуру и, робея от мрачноватого (на дворе осень) интерьера Ново-Михайловского дворца, предстал перед зав. канцелярией Надеждой Ивановной Кузьминой. Ее облик в моей памяти навсегда сохранился как эталон образа интеллигентной петербургской дамы начала века. Она сказала, что еще рано, никого нет, но скоро придет Павел Александрович (Раппопорт занимался аспирантами) и все сделает. А пока, чтобы не скучать, спуститесь в библиотеку, посмотрите книжки. Спускаюсь, оглядываюсь. Из недр выходит еще одна петербургская дама — Евгения Владимировна Ольшевская. Спросила, кто я и зачем, обвела рукой стеллажи с книгами вдоль стен — «вот, знакомьтесь» и скрылась в недрах. Хотя открытый доступ к книгам мне тогда уже был знаком, но без наблюдения за тобой было как-то непривычно. Однако к хорошему привыкаешь быстро. Вскоре пришел Раппопорт, и мы занялись моим устройством.

В целом глава о библиотеке написана немного сухоовато. Для меня, например, ее сотрудники были не просто вспомогательным научным персоналом, а добрыми, внимательными коллегами. Первые годы Евгения Владимировна ненавязчиво опекала меня. Если я путался в каталогах и топографии, тут же приходила на помощь. Когда меня вышвырнули из ЛОИА, был формальный повод отказать мне в праве пользования библиотекой, но случилось обратное: ко мне стали относиться с еще большей добротой.

В то нелегкое для меня время случился смешной эпизод. В Доме юного техника, где я работал, у одного сотрудника была своя черная «Волга», по тем временам большая редкость. Мы иногда пользовались его машиной для поездок в Пушкин, где был редкий тогда в Ленинграде мелкооптовый магазин, в котором можно было за наличные покупать разные расходные материалы для занятий (фотопленку, фотобумагу, химикаты и т. п.). Отчитывались чеками.

Однажды мы сговорились с одним нашим коллегой по фамилии Романов и с хозяином «Волги» ехать в Пушкин за покупками после моих занятий на кафедре. «Волга» должна была подъехать за мной к истфаку к концу лекции. Случилось так, что у меня и у Г. П. Григорьева занятия совпали по времени в соседних аудиториях. Когда мы закончили, я предложил Григорьеву подвезти его. Мы сели в машину. Хозяин «Волги», подыгрывая мне, говорит:

— Яков Абрамович, куда едем?

Я без всякой задней мысли:

— Геннадия Павловича подвезем, потом к Романову, а потом в Пушкин.

Гена смотрит на меня с недоумением, но молчит. Через пару дней прихожу в библиотеку. Лев Михайлович, здороваясь со мной, говорит уважительно:

— Говорят, вы заняли высокий пост, ездите на черной «Волге».

— Пусть говорят, а вам по секрету я расскажу.

Помимо своей основной функции, библиотека служит местом встреч, хотя, казалось бы, Дубовый зал, нередко пустующий, был удобнее. Созваниваясь с коллегами, обычно говорили «встретимся в библиотеке».

Был некоторый круг постоянных читателей, которые уже разбирались в топографии хранилищ. Им негласно разрешалось входить в недра и самим искать нужную литературу. Но такой допуск случался не сразу. Например, я его получил не раньше второй половины 60-х гг., т. е. испытательный срок длился около 10 лет. Для меня это было самое увлекательное занятие. В поисках нужной книги или журнала обычно внимание отвлекалось чем-то другим, на чем можно было застрять до того, как взять то, зачем пришел. Была очень удобная система хранения книг, с которыми нужно было работать несколько дней. Рядом с абонементом стоял стеллаж, на который можно было положить взятые для работы книги и заложить стопку листом со своей фамилией. Для этого достаточно было оставить в своем формуляре по одному экземпляру заявок. Кому нужно было поговорить или покурить, выходили в коридор, где около лифта кучковался импровизированный клуб. Каким-то чудесным образом за крошечным откидным столиком в первом книгохранилище могли разместиться для чаепития 5–6 человек, включая тех, кто был допущен «ко двору».

Если не забывать, что в библиотеке ИИМК сейчас около четверти миллиона книг, то понятно, что тихая и не очень заметная, но четко организованная работа ее сотрудников заслуживает самой высокой оценки.

Невозможно переоценить 13-томный библиографический указатель, в котором около 150 тыс. аннотаций. Для меня это «околостольная» («настольная» не скажешь, так как на столе не поместится) книга. Думаю, что и для многих других. Работа над этим указателем началась в 50-х гг. прошлого века и продолжается вторым поколением авторов.

Для большинства из нас библиотека ИИМК была и остается местом, где улучшается настроение.

* * *

Завершая эту рецензию, мне хочется подчеркнуть, что в целом книга, несмотря на высказанную критику и замечания, получилась очень нужная и интересная. Те коллеги, мнением которых я интересовался, неизменно высказывали большую заинтересованность ее содержанием.

Литература

Грач А. Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука.

Каменецкий И. С. 2011. История изучения меотов. М.: ТАУС.

Максимова М. И. 1969. Из воспоминаний о С. А. Жебелеве // СА 3, 86–90.

Против вульгаризации... 1953. Против вульгаризации марксизма в археологии. М.: Изд-во АН СССР.

Тихонов И. Л. 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографический очерк. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.

Шер Я. А. 2009. Археология изнутри. Научно-популярные очерки. Кемерово: Кузбассвузиздат.